

АЗИАТСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

УДАЧИ И ПРОВАЛЫ
САМОГО ДИНАМИЧНОГО
РЕГИОНА В МИРЕ

ДЖО СТАДВЕЛЛ

 альпина
ПАБЛИШЕР

Джо Стадвелл

**Азиатская модель управления:
Удачи и провалы самого
динамичного региона в мире**

«Альпина Диджитал»

2013

Стадвелл Д.

Азиатская модель управления: Удачи и провалы самого динамичного региона в мире / Д. Стадвелл — «Альпина Диджитал», 2013

ISBN 978-5-9614-4596-1

Экономический бестселлер, написанный Джо Стадвеллом, главным редактором журнала China Economic Quarterly. Проработав журналистом в Азии более 20 лет, он прекрасно разбирается во всех тонкостях здешней экономики, что нашло отражение в его книгах «Китайская мечта» и «Крестные отцы Азии». Чем интересен именно азиатский опыт? Предлагаемая читателю книга должна помочь, с одной стороны, демистифицировать истоки «экономических чудес», а с другой стороны, продемонстрировать фактический опыт соседей, который может послужить уроком для реформирования российской экономики. Успешная модернизация Японии, Южной Кореи, Тайваня, а теперь и Китая следует примерно одинаковым рецептам, за которыми стоят весьма конкретные меры и набор идей. О них и рассказывается в книге, получившей широкое признание как среди специалистов, так и среди широкого круга читателей. К последним принадлежит и Билл Гейтс, включивший ее в число пяти книг, которые произвели на него самое сильное впечатление в 2014 году.

ISBN 978-5-9614-4596-1

© Стадвелл Д., 2013

© Альпина Диджитал, 2013

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Часть 1. Продуманная индустриальная политика государства	8
Часть 2. Выверенная реформа сельского хозяйства	10
Часть 3. Финансовый сектор как поддерживающая система	12
От автора	13
Введение	14
Две Восточные Азии	17
Исследуемые страны	20
На заднем плане	22
Балласт	25
Часть 1	28
Испробуйте это у себя дома	30
Положительные стороны изобилия	33
Очень древняя идея	35
Не все так просто	37
Путешествие первое: от Токио до Ниигаты	39
Тон задают китайские коммунисты	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43
Комментарии	

Джо Стадвелл

Азиатская модель управления: Удачи и провалы самого динамичного региона в мире

Переводчик *В. Скворцов*

Редактор *В. Мылов*

Руководитель проекта *М. Султанова*

Арт-директор *Л. Бенициша*

Корректор *Е. Кочугова*

Компьютерная верстка *Б. Зипунов*

© Joe Studwell, 2013

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Интеллектуальная литература», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

*** * ***

Посвящается моей жене Тиффани

Предисловие к русскому изданию

15 февраля 1942 г. День, который Уинстон Черчилль назвал «наихудшей катастрофой и крупнейшим поражением во всей истории Британии». В этот день 60-тысячная японская армия принудила к капитуляции в Сингапуре 130-тысячный контингент войск Британской империи, включавший в себя отборные части британских, индийских и австралийских войск. Чтобы оценить масштаб катастрофы, важно проиллюстрировать, что до того момента примерно семимиллионное население вокруг Малаккского пролива контролировалось не более чем двухтысячным контингентом имперских войск.

С 1819 г., когда сэр Раффлз превратил Сингапур в торговый пост Ост-Индской компании, британцы создали – и тщательно культивировали – миф о собственной непобедимости столь успешно, что «азиатам», как тогда называли общим термином всех местных жителей, и в голову не приходила мысль об открытом вызове всей мощи Британской империи. До тех пор, пока одна нация не решилась на открытый вызов. Япония.

Примерно в те же дни молодой сингапурец по имени Гарри, шокированный происходящим, пытался, чтобы отвлечься, посмотреть британскую комедию в местном кинотеатре. В одной из сцен бомба, которая должна была взорваться, не взорвалась. На экране появилась надпись: «Конечно, ведь она сделана в Японии». Это был странный опыт для Гарри. В комедии высмеивались японцы – они были показаны кривоногими, косоглазыми «азиатами», неспособными изготовить взрывающуюся бомбу, стреляющее ружье или плывущий корабль. Однако Гарри было несмешно: японцы показали себя мощной, дисциплинированной силой с великолепно работающей техникой.

Другая империя – Российская, в отличие от Британской, испытала свой шок раньше, первой из европейских империй потерпев поражение от восходящего азиатского игрока. В начале русско-японской войны 1904–1905 гг. российская пресса потешалась над японскими войсками, аргументируя это тем, что «мы [японцев] шапками закидаем». Не закидали, а слово «шапкозакидательство», до того воспринимавшееся совершенно серьезно, стало ироническим определением глупой самонадеянности.

В сегодняшней России хотя, наверное, и отсутствует шапкозакидательство по отношению к азиатским экономикам, тем не менее налицо достаточно слабое представление об особенностях их развития. Почему интересен именно азиатский опыт? Предлагаемая читателю книга «Азиатская модель управления» должна помочь, с одной стороны, демистифицировать истоки успеха, а с другой стороны, продемонстрировать фактический опыт соседей, который может послужить уроком для реформирования российской экономики.

Известный ученый Ангус Мэдиссон, автор так называемых «таблиц Мэдиссона», где приведена статистика валового продукта на душу населения в различных странах мира за последние 200 лет, проиллюстрировал, что существуют две устойчивые траектории роста экономики, которые условно выглядят как «первая и вторая космическая скорость» (определение А. А. Аузана). Большинство стран мира, в том числе и Россия, предпринявших серьезные попытки модернизации за последние полвека (а их было более 70), хотя и растут, но очень медленно. То есть находятся на «первой космической скорости». Так вот, только у пяти стран получилось перейти с «первой скорости» на «вторую». Удивительно, но все пять являются азиатскими: Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Сейчас в этот клуб рвется еще один мощный игрок – Китай. Если учесть специфику двух офшорных финансовых центров, одновременно являющихся крупными торговыми портами, коими являются Гонконг и Сингапур, то еще более удивительным является тот факт, что успешная модернизация Японии, Южной Кореи, Тайваня, а теперь и Китая следует примерно одинаковым рецептам, за которой стоят

весьма конкретные меры и набор идей. Суть идей одновременно проста и масштабна, состоит из трех частей «пазла».

Часть 1. Продуманная индустриальная политика государства

Несмотря на дискуссии о постиндустриальном развитии и сервисах как о новой панацее от отставания, основой успеха азиатских «тигров» является собственная промышленность. Для иллюстрации данного пункта необходимо совершить небольшой исторический экскурс.

Переломным моментом, предопределившим успешную индустриализацию в Азии, является так называемая миссия принца Томоми, имевшая место вскоре после революции Мэйдзи в Японии (1868). Миссия, собранная из 51 представителя разных сфер – индустрии, сельского хозяйства, финансов – осуществила визит в 15 разных стран в 1871–1873 гг. По результатам визита, включавшего посещение бирж, заводов, шахт, железных дорог, верфей, и проч., был подготовлен 12-томный документ под названием «Мнения об индустриальном развитии», который стал документом, сфокусировавшим развитие японской экономики на приоритетных секторах. Наиболее важное значение для японцев имела Германия: именно в Германии XIX в. впервые были формально сформулированы идеи о развитии экономики на основе собственной индустрии, к которым ранее экспериментальным путем пришли Британия и США. Немецкий взгляд, сформулированный так называемой Исторической школой, аргументировал, что успешно развивающееся государство должно развить в первую очередь собственную промышленность, используя продуманную протекционистскую политику. Фридрих Лист, наиболее яркий и сравнительно малоизвестный в России представитель Исторической школы, является, пожалуй, наиболее значительным политическим экономистом XIX в. после Карла Маркса: именно он предложил альтернативу коммунистическому подходу к развитию индустриального общества. Лист аргументировал, что идеи Адама Смита об эфемерной «невидимой руке рынка» и Давида Рикардо о «сравнительном [торговом] преимуществе» в корне некорректны. Так, торговая теория Рикардо гласит, что страна должна специализироваться в таком виде экономической деятельности, в котором она относительно более эффективна. Соответственно, если бы сначала Япония, а затем Корея, Тайвань и Китай развивались исходя из теорий Адама Смита и Давида Рикардо, мировая экономика получила бы четырех крупных производителей риса, а не высокотехнологичных индустриальных игроков. Основной идеей Листа является то, что вначале страна должна осуществить внутреннюю индустриализацию, а затем атаковать экспортные рынки. Это в каком-то смысле антитеза импортозамещению – экспортоориентированность. Интересно, что и Британия, и США вели исключительно протекционистскую индустриальную политику, направленную на защиту собственных *infant industries* (букв.: «младенческие отрасли промышленности» – термин, придуманный самим Александром Гамильтоном, который в качестве министра финансов был ответственен за формирование индустриальной политики США), активно продвигая при этом идеологию свободных рынков. Идеи Листа, которые он почерпнул в США (где он жил между 1825 и 1832 гг.) были впервые применены на практике в Германии, а уже потом с успехом опробованы в Японии: историк Кеннет Пайл называл копирование траектории развития успешных экономик, в первую очередь Германии, «идеей фикс» правительств Мэйдзи. Так, Ито Хиробуми, первый (и многократный) премьер-министр Японии, провел два месяца в Германии, тесно общаясь с Железным канцлером, Отто фон Бисмарком, а Хирата Тосукэ, министр сельского хозяйства и коммерции Японии в 1890-х и архитектор экономических реформ, получил степень профессора в Германии и осуществил первый перевод трудов Листа на японский язык. В основу японского экономического чуда легла политика «рационализации», как ее называли японцы, то есть рационального использования ограниченных ресурсов для сфокусированного развития экономики при помощи *дзайбацу* (букв.: «денежный клан») – мощных финансово-промышленных групп, таких как Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo. После Второй мировой войны практически все *дзайбацу* были реформированы в

кэйрэцу (букв.: «иерархический порядок»), и в виде *кэйрэцу* существуют до сих пор и контролируют существенную часть экономики Японии.

Интересно, что Пак Чон Хи, президент Кореи в 1961–1979 гг. и отец корейского экономического чуда, является в значительном смысле продолжателем японских идей. Выпускник японской имперской академии и бывший лейтенант японской армии, какую-то часть своей жизни проживший под японским именем Такаги Масао, он следовал японским идеям о формировании сильных экспортоориентированных концернов. (Только в Корее они назывались не «дзайбацу», как в Японии, а «чеболь». Это всего лишь корейское и японское произношения одного и того же слова, иероглифами оно пишется одинаково.) Так же, как и ранее в Японии, в Корее 1970-х государственные чиновники зачитывались книгами Листа, а сам Пак Чон Хи восторгался Бисмарком. С презрением относившийся к советам не практикующих экономистов, в том числе иностранных, Пак Чон Хи проигнорировал отчет Всемирного банка 1974 г., высказывавший «серьезнейшую озабоченность насчет практичности целей по экспорту продукции тяжелого машиностроения» и рекомендовавший стране сфокусироваться на текстиле (к слову сказать, в начале 1970-х ключевыми статьями корейского экспорта были: 1) текстиль; 2) фанера; 3) парики!). Точно так же, как и в Японии, Пак Чон Хи отдавал приоритет производству стали, судостроению, а позже автомобилестроению и производству полупроводников.

Являвшийся в 1926–1927 гг. студентом коминтерновского Университета имени Сунь Ятсена в Москве великий китайский реформатор Дэн Сяопин считал образцом экономической политики нэп и именно ее взял за основу китайских реформ 1980-х. Говоривший о необходимости «четырех модернизаций» – промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки – Дэн Сяопин, по японскому образцу вековой давности, направил четыре миссии: в Японию, Восточную Европу, Западную Европу и Гонконг. Изначально склонявшиеся к восточноевропейскому (в основном югославскому) опыту китайцы в итоге выбрали японскую модель как образец. В особенности китайцы были под впечатлением от того, как японское Министерство международной торговли и промышленности (MITI) анализирует конкурентоспособность японских фирм на мировых рынках и планомерно распределяет ресурсы экономики для обеспечения того, что принято называть устойчивым конкурентным преимуществом. Две ключевые китайские организации, созданные в Китае в 1979 г. – Ассоциация контроля качества и Ассоциация управления предприятиями – обучали тысячи китайских руководителей почерпнутым из Японии идеям. Таким образом Япония, исторический конкурент и злейший враг со времен как минимум китайско-японской войны 1894–1895 гг., закончившейся аннексией Тайваня, пыталась искупить историческую вину и в итоге сыграла ключевую роль в модернизации Китая. Сам же Дэн Сяопин был первым китайским лидером за 2200 лет контакта между Китаем и соседним островом, посетившим Японию и встретившимся с императором. Опять-таки, приоритет в развитии промышленности в Китае был дан экспортоориентированным отраслям с максимальным мультипликативным эффектом: тому же сталелитейному сектору, судостроению, автомобилестроению, высоким технологиям. Эволюцию немецко-японско-корейско-китайских идей развития промышленности можно условно проиллюстрировать на примере цепочки брендов Mercedes – Toyota – Hyundai – Geely, или же Siemens – Sony – Samsung – Xiaomi.

Часть 2. Выверенная реформа сельского хозяйства

Наиболее элегантно взаимосвязь между целями развития промышленности и целями развития сельского хозяйства выразило в 1945 г., после так называемой ретроцессии от Японии, правительство Тайваня, сформулировавшее свою задачу как «развитие индустрии через сельское хозяйство, и развитие сельского хозяйства через индустрию». Будучи составной частью общей экономической повестки, реформа сельского хозяйства должна одновременно служить трем ключевым целям:

а) Обеспечение занятости населения как механизма социальной стабильности и устойчивого развития общества. Как отметил, пожалуй, самый видный экономист по развитию Майкл Липтон, «для выполнения общих целей развития общества необходимо развивать сельское хозяйство». Можно, конечно, долго фантазировать о бурном росте ИТ-технологий и минисиликоновых долин как механизма вытягивания страны из бедности, однако пожалуй, даже самая успешная азиатская страна в сегменте ИТ-услуг, Индия, обеспечила трудозанятостью в ИТ-секторе примерно 3 млн человек, в то время как в сельском хозяйстве страны занято примерно в 200 раз больше, 600 млн человек.

б) Масштабирование хозяйств. Атомизация хозяйств, т. н. *sub-scale agriculture* – прямой путь к гарантированию бедности страны. Для обеспечения успешного развития экономики страны масштабироваться и специализироваться (то есть сфокусироваться на так называемых *anchor points*, «якорях») должна не только промышленность, но и сельское хозяйство. Интересно, что важнейшую роль в успешных реформах аграрного сектора в Азии (в частности, в Японии и Тайване) после Второй мировой войны сыграл Вольф Исаакович Ладежинский, бывший ключевым советником генерала Дугласа Макартура по вопросам сельского хозяйства. Уроженец Украины, эмигрировавший от ужасов революции в США, он считал, что залогом обеспечения экономического роста в сельском хозяйстве является ликвидация грабительской помещичьей ренты и создание крупных, специализированных хозяйств. Согласно пакету реформ Ладежинского, использованному в Японии, государство выкупало у помещиков-рантье излишки земли, которые затем продавались на льготных условиях, с 30-летней рассрочкой, крестьянам-арендаторам. Тут важно отметить тот факт, что экстраординарность аграрных реформ в Азии обусловлена небольшим размером доступной для сельского хозяйства территории. Так, в Японии, состоящей из четырех крупных и 6848 мелких островов, несмотря на большую, чем у Германии, общую территорию, три четверти непригодно для жизни, и только 13 % можно использовать в сельском хозяйстве (это одна из причин, объясняющих высокую стоимость японской сельхозпродукции), на Тайване для культивации недоступно свыше 75 % земли, а в Южной Корее – 78 %.

с) Использование последних достижений технологий и ориентация на экспорт. Экспортные рынки, благодаря таможенной статистике, позволяют отслеживать успешность продаж на внешних рынках и «рационализировать» спектр производимой продукции. Международные продажи являются механизмом обратной связи, с помощью которого правительства могут оценить, успешно ли проходит реформирование сельского хозяйства. Опять-таки, экспортоориентированность, а не импортозамещение, является *name of the game* (букв.: «название игры»). Именно поэтому азиатские игроки специализируются на высокорентабельных нишевых сельскохозяйственных продуктах. Так, Тайвань является лидером в производстве консервированных продуктов, а Япония успешно экспортирует сверхдорогое мясо «вагью», рыбу и фрукты. При этом согласно исследованию Deutsche Bank, производительность труда южнокорейского фермера, выращивающего традиционную культуру – рис, в 40 (!) раз выше производительности труда китайского фермера, в первую очередь благодаря использованию новейших технологий. Заканчивая тему сельского хозяйства, отмечу, что сельское хозяйство скорее всего придётся

субсидировать – просто потому, что на международных сельскохозяйственных рынках ведется «война субсидий».

Часть 3. Финансовый сектор как поддерживающая система

В сегодняшнем мире финансовый сектор играет диспропорционально важную роль, став по сути дела вершиной пирамиды экономик крупных стран. И Япония, и Корея, и Китай вели – и ведут – серьезную политику контроля потоков капитала, в первую очередь контролируя курс национальной валюты. Показателен японский пример: Япония отменила механизмы контроля потоков капитала под давлением США лишь в 1985 г. За два года курс иены вырос в цене по отношению к доллару в два раза, что резко ударило по экспортному потенциалу страны в 1990-х. Стараясь не повторять ошибок соседей, Корея, сильно пострадавшая от кризиса 1998 г., и Китай, находящийся под постоянным давлением США с целью ревальвации юаня, всячески стараются контролировать так называемые *hot money* (букв.: «горячие деньги»), вводя новые ограничения на вывоз капитала (последние не далее как летом 2016 г.).

При этом стоит отметить, что роль финансового сектора многократно увеличилась после кризиса 2008 г., с введением политики «количественного смягчения» сначала ФРС, а затем и другими центробанками. Для иллюстрации: за последние восемь лет монетарная база США выросла в беспрецедентные пять раз, с \$ 800 млрд до \$ 4 трлн. Именно дешевые деньги (а на сегодняшний день, как мы знаем, ставки процента являются отрицательными в ряде важнейших экономик) способствовали фондированию крупных инвестиционных проектов: от сланцевых месторождений в США до месторождений угля в Австралии. В этом заключается, наверное, самый большой парадокс мировой экономики последних лет: взрывное наращивание монетарной базы центральными банками посредством «количественного смягчения» не привело к ожидаемой вспышке инфляции, а наоборот, привело к снижению цен на ряд товаров, в первую очередь сырьевых, из-за введения в строй новых инвестиционных проектов (условно говоря, цена на нефть не выросла, а упала ввиду того, что были введены в строй месторождения сланцев). При этом в отличие от России, которая, к сожалению, в результате санкций оказалась вне *capital highway* – «магистралей капитала», азиатские игроки весьма успешно работают с рынками капитала (сейчас в Азии говорят об *overfunding issue* – «проблемы наличия излишнего капитала»), создавая тем самым задел для нового качественного рывка азиатских экономик. Особенную роль в налаживании доступа азиатских экономик на мировые рынки капитала играют Гонконг и Сингапур, бывшие ранее английскими колониями и ставшие успешными офшорными центрами в значительной мере благодаря интеграции с рынками капитала, в значительной мере англосаксонскими по своей сути.

Помните молодого сингапурца по имени Гарри в начале статьи? Под сильным впечатлением от успехов, продемонстрированных японцами, он решил перестать стесняться своего азиатского происхождения и, наоборот, гордиться им. Как первый шаг, он отбросил свое английское имя Гарри и вернул себе свое китайское имя Ли, под которым и вошел в историю. Создатель современного Сингапура. Ли Куан Ю.

Руслан Алиханов

От автора

Два важнейших источника информации, использованных мною, – это создаваемая с 1980 г. база данных из доклада «Перспективы развития мировой экономики» (World Economic Outlook) Международного валютного фонда (МВФ) и создаваемая с 1960 г. база данных «Показатели мирового развития» (World Development Indicators) Всемирного банка. Если ссылка на источник приведенного параметра отсутствует, значит, он был взят из вышеупомянутых баз данных. Я решил не указывать постоянно источники, связанные с МВФ и Всемирным банком, ради того чтобы уменьшить количество ссылок в книге.

Отмечу, что Всемирный банк изменил терминологию и вместо «валового национального продукта» (ВНП) теперь применяет «валовой национальный доход» (ВНД). Хотя некоторые читатели, возможно, больше привыкли к прежнему термину, в тексте используется только новый. Согласно пояснениям Всемирного банка, методологических различий между этими терминами нет. Читатели должны иметь ввиду следующее различие: ВНП включает доход государства как из внутренних, так и из внешних (международных) источников, в то время как ВВП – только доходы внутренней (национальной) экономики.

Несмотря на все мои усилия сократить число примечаний, их набралось довольно много, поскольку требовались пояснения к тому или иному пункту или же доказательства того, что мои утверждения базируются на солидном источнике. Я не думаю, что читатели станут просматривать все примечания подряд. Для многих читателей лучше всего будет обращаться к примечаниям только тогда, когда высказанное соображение покажется им важным или спорным. Для тех же, кто особенно интересуется данной тематикой, я надеюсь рано или поздно опубликовать в виде отдельного приложения научное исследование в поддержку своих высказываний. Сообщения об этом можно будет отслеживать на www.howasiaworks.com.

По умолчанию указаны обменные курсы валют, которые применялись в рассматриваемый год или период времени.

Введение

Эта книга посвящена тому, как осуществляется или не осуществляется быстрая трансформация экономики. С точки зрения автора, для того чтобы ускорить экономическое развитие своей страны, правительство может применить три основных механизма вмешательства. В тех странах Восточной Азии, где эти механизмы применялись наиболее эффективно – в Японии, Южной Корее, на Тайване, а теперь и в Китае, – они вызвали самый быстрый переход от бедности к процветанию, который когда-либо видел наш мир. Если же государство в этом регионе приступало к реформам с такими же амбициями и аналогичными (или даже лучшими) финансовыми ресурсами, но не использовало подобные механизмы, то оно переживало бурный экономический рост лишь в течение определенного времени, а достигнутый прогресс оказывался недолговечным.

Первый механизм – его недооценивают чаще всего – это максимальное повышение эффективности сельского хозяйства, ведь именно в нем занято подавляющее большинство населения в беднейших странах. Опыт экономически успешных государств Восточной Азии показал, что сделать это можно путем реструктуризации сельского хозяйства в семейные фермерские хозяйства с высокой трудоемкостью – слегка укрупненную форму личного подсобного хозяйства. Такой подход позволяет использовать всю наличествующую в неразвитой экономике рабочую силу и поднять урожайность и продукцию сельского хозяйства до максимально возможного уровня, хотя и при незначительном росте дохода на душу наемного работника. Главный результат правительственного вмешательства на этом этапе – создание начального избытка продукции, который, в свою очередь, поднимает спрос на товары и услуги.

Следующий механизм вмешательства (во многих отношениях второй «этап») – это направление инвестиций в обрабатывающую промышленность и привлечение к ней предпринимателей. Дело в том, что обрабатывающая промышленность позволяет наиболее полно использовать скромные производственные навыки, которые в развивающихся экономиках приуси рабочей силе, появляющейся за счет ее оттока из сельского хозяйства. Сравнительно низкоквалифицированные рабочие создают стоимость на предприятиях, управляя машинами, которые без труда можно купить на мировом рынке. Кроме того, в процветающих странах Восточной Азии правительства проложили новые пути к ускорению технологического прогресса в обрабатывающей промышленности за счет субсидий, предоставляемых в зависимости от показателей экспортной деятельности. Такое сочетание субсидий и, согласно моему определению, «экспортной дисциплины» подняло темпы индустриализации в успешных азиатских странах до небывалого уровня.

Наконец, интервенции в финансовый сектор с целью привлечь капитал к развитию интенсивного мелкомасштабного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности представляют собой третий ключ к ускоренным экономическим преобразованиям. Роль государства здесь состоит в том, чтобы удерживать средства нацеленными на стратегию развития, которая максимально ускоряет обучение технологическим навыкам и тем самым создает возможность получения в будущем высоких прибылей, а не краткосрочной выгоды и индивидуального потребления. Подобные меры порой создают противостояние между правительством и многими бизнесменами, а также потребителями, чей стратегический горизонт, естественно, ограничен.

Рецепты ускоренного экономического развития в Восточной Азии какое-то время сбивали с толку на фоне других быстро развивающихся стран, которые, однако, не следовали по пути Японии, Южной Кореи, Тайваня и Китая. В 1980-х – начале 1990-х гг. эксперты Всемирного банка ухватились за примеры эффективно работавших офшорных финансовых центров Гонконга и Сингапура, а также внезапно набравших еще более стремительные темпы роста

Малайзии, Индонезии и Таиланда в Юго-Восточной Азии, чтобы провозгласить: экономическое развитие на самом деле стимулируется политикой *невмешательства* со стороны государства, при его минимальной роли.

Невзирая на тот факт, что офшорные центры при высокой плотности их малочисленного населения и полном отсутствии аграрного сектора, мешающего оживлению экономики, невозможно корректно сравнивать с обычными странами, Всемирный банк использовал Гонконг и Сингапур в качестве двух из трех «доказанных» практических примеров в своем крайне противоречивом докладе от 1987 г.^[1] После того как ученые повсеместно подвергли этот доклад критике, Всемирный банк выступил еще с одним в 1993 г. – «Экономическое чудо Восточной Азии» (The East Asian Miracle), и в нем уже признавалось наличие в ряде государств промышленной политики, равно как и покровительства молодых отраслей промышленности. Однако и в этом докладе принижалась значимость такой политики, вообще игнорировалось сельское хозяйство, а Гонконг и Сингапур объединялись в одну группу с Малайзией, Индонезией и Таиландом. Вследствие чего Япония, Южная Корея и Тайвань попадали в статистические «случайности» на фоне «высокопроизводительных азиатских экономик». (Китай же в докладе и вовсе не упоминался.)^[2]

Это был идеологически обусловленный период так называемого Вашингтонского консенсуса, когда Всемирный банк, Международный валютный фонд и Министерство финансов США объединились в своей решимости доказать, что идеи свободного рынка, которые как раз входили в моду в США и Великобритании, пригодны для любой национальной экономики, независимо от уровня ее развития^[3]. Дискуссии достигали такого накала, что принципы научной добросовестности зачастую приносились в жертву, как происходило с докладами Всемирного банка.

Увы, даже те ученые, которые специализировались на Японии, Южной Корее и Тайване и противостояли позиции Вашингтонского консенсуса по вопросам экономического развития, делали сомнительные заявления, чтобы подкрепить свою аргументацию. Это приводило к еще большей путанице. Например, Чалмерс Джонсон в предисловии к своему фундаментальному исследованию экономического развития Японии (1982) написал: «[Японская модель экономического развития] повторяется сейчас во вновь индустриализированных государствах Восточной Азии – Тайване и Южной Корее, а также Сингапуре и странах Южной и Юго-Восточной Азии». Элис Эмсен, которая в свое время осуществила исчерпывающий разбор экономического развития Южной Кореи, в предисловии к своей следующей книге ссылалась на «модель, используемую в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Таиланде». И даже Уолт Уитмен Ростоу, автор одной из самых первых послевоенных книг по теории экономического развития и наиболее исторически содержательной – «Стадии экономического роста» (The Stages of Economic Growth), в предисловии к ее очередному переизданию в 1991 г. торжественно заявил, что Малайзия и Таиланд следуют к технологической зрелости тем же путем, что Южная Корея и Тайвань^[4]. В спорах об экономических моделях Восточной Азии каждый специалист выходил за пределы собственной компетенции в попытке склонить дебаты на свою сторону.

Расхождения по вопросу о том, какова природа экономического развития Восточной Азии, стали возможными из-за темпов роста, продолжающих оставаться высокими по всему региону. Однако в начале 1980-х гг. Бразилия, выдающийся пример быстрого экономического развития в Латинской Америке 1960–1970-х гг., продемонстрировала, насколько опасно судить об экономическом прогрессе только по темпам роста. Напомним, что экономика Бразилии, единственная из крупных за пределами Восточной Азии, сумела на протяжении более четверти века прирастать на уровне более 7 % в год^[5]. Но когда в 1982 г. в Латинской Америке разразился долговой кризис, экономика Бразилии рухнула вследствие обесценивания национальной валюты, роста инфляции и на годы застряла в состоянии нулевого роста. Выяснилось, что своим предыдущим развитием Бразилия слишком во многом была обязана огромному

долгу, что не привело к созданию по-настоящему продуктивной и конкурентоспособной экономики.

Начиная с 1997 г., после того как семь стран региона (Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай, Малайзия, Индонезия и Таиланд) в течение четверти столетия развивали свои экономики со скоростью минимум 7 % в год, Восточная Азия получила счета к оплате, когда регион охватил финансовый кризис. К тому моменту Япония давно превратилась в страну со зрелой экономикой, столкнувшейся с новым набором структурных проблем, возникших вслед за периодом развития, и с ними страна справлялась гораздо хуже, чем с первоначальной задачей «просто» разбогатеть. Южная Корея, Тайвань и Китай, однако, в этот момент все еще находились в фазе «догоняющего» развития. Эти государства либо вовсе не были затронуты кризисом, либо быстро от него оправались и возобновили активное развитие и технологическое обновление. А вот Малайзия, Индонезия и Таиланд оказались совершенно выбитыми из колеи. Им пришлось пережить инфляцию, падение курса национальной валюты и темпов роста. Показательно, что в сегодняшних Индонезии и Таиланде ВВП на душу населения составляет в год соответственно лишь \$ 3000 и \$ 5000, а уровень бедности до сих пор остается значительным. Для сравнения, в Южной Корее и на Тайване годовой ВВП на душу населения равен примерно \$ 20 000. Между тем в конце Второй мировой войны все четыре страны были одинаково бедными^[6].

Кризис в Восточной Азии выявил тот факт, что непротиворечащая система вмешательства государства в экономику действительно создает различие между долговременными экономическими достижениями и кратковременным прогрессом, заканчивающимся неудачей. Правительства Японии, Южной Кореи, Тайваня и Китая после Второй мировой войны радикально видоизменили сельское хозяйство, сосредоточились на модернизации обрабатывающей промышленности и заставили национальные финансовые системы служить этим двум целям. Таким образом они изменили структуры своих экономик настолько, что откат к прежнему состоянию оказался невозможен. В государствах же Юго-Восточной Азии, несмотря на долгие периоды их впечатляющего экономического развития, правительства не реорганизовали сельское хозяйство коренным образом и не создали конкурентоспособных на мировом рынке производственных предприятий, зато *последовали* скверным советам со стороны развитых стран и открыли свои финансовые сектора уже на ранних стадиях экономического развития. Японский экономист Иосихара Кунио еще в 1980-х гг. предупреждал, что государства Юго-Восточной Азии рискуют так и остаться развивающимися странами «без технологий». Так впоследствии и случилось – эти страны начали пятиться, когда их инвестиционные фонды иссякли. Словом, выбор определенной политики создал изрядный разрыв в развитии стран Азиатского региона, и, вполне возможно, этот разрыв будет и дальше расти^[7].

Две Восточные Азии

Итак, три стратегии – сельскохозяйственная, промышленная и финансовая, – которые и определяют успех или неудачу, начали реализовываться за несколько десятилетий до того, как в 1980 – 1990-х гг. начались дебаты вокруг «азиатского экономического чуда». Именно эти стратегии и будут исследованы в книге. Начнем же с коренного перераспределения сельскохозяйственных земель в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Собственность на землю была важнейшим политическим вопросом в Восточной Азии после Второй мировой войны, и обещания земельной реформы определили победу коммунистов в Китае, Северной Корее и Вьетнаме. Однако во всех странах, пошедших по пути социализма, семейное фермерство было вскоре заменено (по идеологическим соображениям) коллективизацией, что привело к стагнации или снижению урожайности. В Японии, Южной Корее и на Тайване программы по перераспределению земель в пользу семейного фермерства внедрялись мирным образом и доказали свою состоятельность. Именно это привело к долгосрочному подъему села, что способствовало и общеэкономическим реформам.

В Юго-Восточной Азии после войны также велись серьезные дебаты относительно более справедливого распределения земель, создания служб по распространению среди фермеров передовых знаний и опыта, предоставления доступных сельскохозяйственных кредитов. Было запущено изрядное количество реформаторских программ. Однако реальный эффект от их внедрения оказался намного меньше, чем на северо-востоке региона. Именно с этого и началось экономическое расхождение между различными государствами Восточной Азии. Неудача, постигшая лидеров стран Юго-Восточной Азии при попытке справиться с проблемами сельского хозяйства, значительно затруднила дальнейшее развитие экономики и предпринимала последующие провалы на политическом поприще. Примечательно, что даже 60 лет спустя земельный вопрос все еще остается насущным на Филиппинах, в Индонезии и Таиланде. В Малайзии эта проблема ощущается менее остро, но лишь потому, что богатые природные ресурсы страны позволяют смягчить убытки от низкой продуктивности ее сельского хозяйства.

В первой части книги я подробно разбираюсь в том, почему так велика значимость сельского хозяйства, используя в том числе личные впечатления от путешествий по Японии и Филиппинам.

Вторая часть посвящена роли обрабатывающей промышленности. Изучается то, как Япония, Южная Корея, Тайвань и Китай совершенствовали способы сочетания субсидирования и протекционизма национальных производителей, чтобы содействовать их развитию, с поддержанием конкуренции и «экспортной дисциплиной», понуждавшей промышленников выходить на международный рынок и, как следствие, становиться конкурентоспособными в мировом масштабе. Такой подход позволил преодолеть проблему, обычно возникающую при предоставлении субсидий и протекционистских мер, когда предприниматели прибирают к рукам финансовые поощрения, но не справляются с тяжелой работой по созданию конкурентоспособных продуктов. Однако фирмы уже не могли прятаться за ввозными пошлинами и другими барьерами, продавая свою продукцию исключительно на защищенном домашнем рынке, поскольку предоставление протекционистских мер, субсидий и кредитов ставилось в прямую зависимость от роста экспорта. Производители, которые не могли соответствовать контрольным показателям экспорта, оказывались отрезанными от государственных щедрот и вынуждены были сливаться с более успешными фирмами, а порой и банкротиться. Благодаря такой политике, правительства в конечном счете получили у себя дома производителей мирового класса и тем самым окупили значительные вложения государственных средств.

Так возникло еще одно резкое расхождение в политике стран Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и стран Северо-Восточной Азии вкупе с Китаем – с другой. В первой группе

предприниматели были ничем не хуже, чем во второй, однако правительства не сумели привлечь их к производству и не подчинили их экспортной дисциплине. Вместо этого в государственном секторе создавались промышленные предприятия, которые почти не конкурировали между собой и от которых не требовали выпуска продукции на экспорт. Как следствие, правительства получали крайне низкий доход от всех форм инвестиций в свою промышленную политику. В период бума 1980–1990-х гг. неспособность создать местные обрабатывающую промышленность и технический потенциал прикрывал интенсивный приток прямых иностранных инвестиций, правда, по большей части в производственные операции уже развитых отраслей обрабатывающей промышленности.

С наступлением же азиатского кризиса разница в индустриальном развитии между Юго-Восточной Азией и Северо-Восточной Азией стала совершенно очевидной. В Юго-Восточной Азии почти не возникло общепризнанных, конкурентоспособных на мировом рынке компаний обрабатывающей промышленности. Сингапурская Tiger Beer, тайские Singha Beer и Chang Beer – пожалуй, только их можно причислить к более или менее широко признанным промышленным брендам Юго-Восточной Азии. Однако, что весьма симптоматично, ни одна из этих трех пивоваренных компаний на самом деле не является *предприятием обрабатывающей промышленности*. В отсутствие успешных, крупных, фирменных компаний местного происхождения экономика стран Юго-Восточной Азии остается в технологической зависимости от транснациональных корпораций, перебиваясь кое-как в качестве контрактора низкоприбыльных структур международных серийных производителей. Методы, позволившие (или не позволившие) государствам стать хозяевами своей индустриальной судьбы, изучаются во второй части в связи с поездками автора в Южную Корею и Малайзию с посещением тех мест, где эти страны старались развивать соответственно свою сталелитейную и автомобильную промышленность.

Третья часть книги посвящена финансовой политике. В успешно развивающихся государствах Восточной Азии структура финансов определялась необходимостью достижения целей – создания высокоурожайных малых фермерских хозяйств и приобретения производственных навыков. В этой связи финансовые системы в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае находились под строгим государственным надзором, а потоки иностранного капитала тщательно отслеживались вплоть до перехода страны в статус экономически развитой. Главным механизмом, обеспечившим финансовую поддержку достижению целей государственной политики, стало банковское кредитование, с помощью которого воздействовали на производителей, с тем чтобы они соблюдали экспортную дисциплину. Для получения кредита фирмам приходилось предъявлять экспортные заказы. В финансовых кругах экспортная деятельность также служила банкам дополнительной гарантией того, что кредит будет выплачен, поскольку экспортеры почти по определению были более надежными бизнесменами, чем те, кто работал только на внутренний рынок.

С целью финансирования экономического развития проценты по банковским депозитам в Северо-Восточной Азии и Китае начислялись значительно ниже рыночных ставок – в форме скрытого налогообложения, что позволяло окупать субсидии сельскому хозяйству и промышленности. Это вызвало возникновение нелегальных кредитных организаций, однако такие «черные» рынки не вызвали оттока денежных средств из банков в объеме, способном привести к дестабилизации.

Денежные суммы, хранившиеся в банках Юго-Восточной Азии, были ничуть не меньше, чем у их северных соседей. Однако правительства этих стран направляли огромные средства, имевшиеся в их распоряжении, на ложные цели – создание крупных, но низкоурожайных аграрных хозяйств и компаний, которые либо вообще не имели отношения к обрабатывающей промышленности, либо работали только на защищенный таможенными барьерами внутренний рынок. Страны этого региона еще больше ухудшили перспективы своего развития,

когда, последовав советам богатых стран, ослабили контроль над банками, открыли финансовые рынки и перестали контролировать движение капитала. Такие же советы предлагались и Японии, Южной Корее, Тайваню и Китаю на ранних стадиях их экономического развития, но они благоразумно воздерживались от нововведений, пока это было возможно. Преждевременное финансовое дерегулирование в Юго-Восточной Азии привело к быстрому разрастанию банков, контролируемых семейным бизнесом, которые никак не поддерживали ориентированную на экспорт обрабатывающую промышленность, а вместо этого выдавали огромные нелегальные займы аффилированным лицам. Банки в этом регионе оказались подчинены узким интересам частного бизнеса, чьи цели лежали далеко в стороне от целей национального экономического развития. Тот же процесс наблюдался в свое время в Латинской Америке и позднее повторился в постсоветской России. В деталях мне довелось изучать негативные результаты финансовой либерализации в Юго-Восточной Азии во время поездки в столицу Индонезии Джакарту, где новый финансовый квартал вырос как на дрожжах в преддверии азиатского финансового кризиса.

Исследуемые страны

Я сделал в книге ряд упрощений, с тем чтобы не выхолащивать ее основные положения и изложить исторические события как можно более кратко. В том числе надо было решить, какие именно страны Восточной Азии оставить за пределами повествования. Поскольку разговор идет о стратегиях развития, принесших хотя бы незначительный успех, то несостоятельные государства вообще не рассматриваются. Это – Северная Корея, Лаос, Камбоджа, Мьянма и Папуа – Новая Гвинея, находящиеся у нижнего предела классификации ООН по индексу человеческого развития (ИЧР)^[8]. Причины провалов у каждой из этих стран различны, но явственно выделяется одна общая характеристика – как в экономическом, так и в политическом отношении все они замкнуты на самих себя. В той или иной степени они прошли через давно известные уроки, преподанные еще Китаем до 1978 г., Советским Союзом до 1989 г. и Индией до 1991 г.: если страна не торгует и не взаимодействует с внешним миром, то у нее практически нет шансов на успех в гонке за развитием.

Также я ограничивался анализом проблем развития только в тех странах, которые называю «настоящими», поэтому не рассматриваю два главных офшорных финансовых центра Восточной Азии – Гонконг и Сингапур. (Точнее будет определить их как портово-офшорные финансовые центры, поскольку они выполняют еще и роль морских хабов.) За рамками обсуждения остаются нефтяное микросоударство Бруней и традиционный игорный центр Восточной Азии – Макао. Как уже упоминалось выше, во многом бессмысленные и сбивающие с толку дебаты годами подогревались сопоставлением процессов развития, скажем, Гонконга с Китаем или же Сингапура с Индонезией. Главным зачинщиком здесь выступал Всемирный банк, а я не намерен оживлять эти затихшие дискуссии. Офшорные центры не являются нормальными государствами. Повсюду в мире они конкурируют между собой, специализируясь на торговых и финансовых услугах и извлекая выгоду от низких непроизводительных расходов по сравнению со странами с большим, но рассредоточенным населением и сельским хозяйством, препятствующим повышению продуктивности^[9]. Низкие непроизводительные расходы заведомо создают для офшорных центров и налоговые преимущества. Однако такие центры не могут существовать в изоляции, будучи в точном значении слова паразитическими, поскольку они нуждаются в хозяине или хозяевах, от которых могут кормиться^[10].

Остров Тайвань рассматривается как самостоятельное государство, пусть это и неверно с точки зрения политики, зато с точки зрения экономики является наилучшим подходом. Хотя правительства большинства стран воспринимают Тайвань в качестве одной из провинций КНР, начиная с 1949 г. он функционирует как независимое политическое и экономическое образование. А еще раньше остров на протяжении полувека был японской колонией. Обладая населением в 23 млн, Тайвань проделал эволюцию, которая, с одной стороны, отличается от того, что происходило в материковой части Китая, а с другой – обнаруживает поразительное и плохо освещенное в литературе сходство в экономической политике вследствие обмена опытом между коммунистическими и гоминьдановскими политиками и чиновниками в 1930–1940-х гг. на основной территории страны. Структура книги позволяет рассмотреть оба аспекта экономической истории Тайваня.

Исключение из анализа офшорных центров и недееспособных государств и, наоборот, включение Тайваня оставляют нас с девятью значимыми экономиками Восточной Азии: северо-восточной группой в составе Японии и двух ее бывших колоний – Южной Кореи и Тайваня; юго-восточной, представленной Таиландом, Малайзией, Индонезией и Филиппинами; а также Китаем и Вьетнамом. Последний, однако, исключается из третьей «посткоммунистической» группы с целью дальнейшего упрощения структуры книги, за что я прошу прощения

у вьетнамских читателей. Ведь их страна сходна с Китаем только определенной структурой экономики, но и это коммунистическое государство постепенно реформируется.

Непосредственно Китай вкупе с вопросом о том, насколько существенно стратегия экономического развития этой страны отличается от таковой в Японии, Южной Корее и на Тайване, рассматривается по большей части в четвертой главе, посвященной подъему ныне крупнейшей в Азии экономики. Тем не менее некоторые аспекты экономической истории Китая будут изучены прежде этого, поскольку их можно правильно понять только в более широком контексте развития всей Восточной Азии. Кампания по осуществлению земельной реформы, проводившаяся Коммунистической партией Китая, как и стратегия развития семейного фермерства, сменившиеся коллективизацией аграрного сектора, описаны в первой части. К рассмотрению событий, происходивших в сельском хозяйстве КНР после 1978 г., мы вернемся в четвертой части. Промышленная политика Китая в период до 1949 г. разбирается во второй части, поскольку эта тема имеет прямое отношение к дальнейшим событиям на Тайване после бегства на остров в конце гражданской войны лидеров Гоминьдана и высокопоставленных чиновников, занимавшихся планированием. Отдельно об индустриализации материкового Китая после 1949 г. рассказывается в четвертой части. Там же рассматриваются почти все аспекты финансовой политики Китая.

На заднем плане

Из числа тех факторов, что влияют на экономическое развитие и не решаются одним лишь воздействием правительства на сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и финансы, важнейшим, пожалуй, является демографический. Численность и возрастной состав населения любой страны оказывают огромное воздействие на потенциал ее развития. Трудовые ресурсы являются такими же инвестициями в экономику – формой «капитала», как и деньги, поэтому крупная доля трудоспособного населения по отношению к численности детей и пенсионеров повышает возможности ускоренного роста. После Второй мировой войны быстрое снижение смертности населения, особенно среди детей, и столь же быстрый прирост трудоспособного населения сыграли огромную роль в развитии Восточной Азии. Эти демографические тенденции, ставшие следствием прогресса в здравоохранении и медицинской профилактике, способствовали беспрецедентному росту. Данное явление часто называют «демографическими дивидендами». Обратной стороной их, однако, становится последующее ускоренное старение населения – мы подразумеваем здесь увеличение доли пенсионеров по отношению к работникам. По достижении переломного момента объем рабочей силы начинает быстро сжиматься, а пенсионеры поглощают сбережения, служившие прежде фондами для инвестирования. Так, в Японии начиная с 1980-х гг. основные трудности были связаны именно с острыми демографическими проблемами, настигшими страну, которая лишь недавно создала промышленно развитую экономику. В Китае крайне быстрый прирост трудоспособного населения, сопровождавший экономический взлет, уже приближается к своему пику, и демографические факторы, сдерживающие развитие, будут медленно нарастать на протяжении этого десятилетия.

При общезначимости демографического фактора конкретные социально-демографические характеристики становились неотъемлемой частью поучительного опыта в каждом государстве Восточной Азии. В этом смысле демографический процесс является непреложным фактом. Единственная попытка управлять демографией как элементом экономической политики была предпринята в Китае, но это не стало определяющим фактором развития страны. Мао Цзэдун агитировал за резкое повышение рождаемости, которое уже происходило, убеждая китайский народ в том, что он силен своей численностью. Затем Дэн Сяопин и его преемники приняли меры по ограничению рождаемости (которая уже и так стала снижаться), причем зачастую посредством жесткой принудительной политики. И все же вопреки страданиям, причиненным этим вмешательством государства в духе романа «О дивный новый мир» (Brave New World)¹, реальными стимулами для экономического развития страны оказались все те же универсально действующие реформы сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и финансовой сферы. Словом, величина трудоспособного населения опять-таки оказалась менее важной для развития, чем меры в отношении этого населения.

Еще один важный фактор развития, который в этой книге остался на заднем плане, – это образование. Дело в том, что положительная корреляция между приростом ВВП и общей длительностью обучения населения оказалась гораздо менее очевидной, чем это представляют себе большинство людей^[1]. Наиболее тесная корреляция такого рода выявлена в глобальном масштабе у начального образования, но, даже отдавая дань уважения этому периоду формирования у детей базовых навыков грамотности и счета, мы имеем примеры таких стран, как Южная Корея и Тайвань, которые развились экономически с образовательным капиталом зна-

¹ Роман-антиутопия английского писателя Олдоса Хаксли, опубликованный в 1932 г. В частности, люди в изображенном им обществе рождаются не традиционным путем, а выращиваются в бутылках на специальных заводах-инкубаториях. – *Примеч. ред.*

чительно ниже среднего уровня. В конце Второй мировой войны 55 % населения Тайваня было неграмотным, и даже в 1960 г. уровень неграмотности составлял 45 %. Уровень грамотности в Южной Корее в 1950 г. был ниже, чем в современной ей Эфиопии. Возможно, не столько образование способствует экономическому прогрессу, сколько экономический прогресс понуждает родителей давать своим детям образование, что, в свою очередь, создает возможности для дальнейшего экономического прогресса.

На Филиппинах в начале XX века колониальное правительство США уделяло образованию большое внимание, инвестируя в развитие школ. Как следствие, Филиппины до сих пор держат первое место в Юго-Восточной Азии по числу студентов, получающих высшее образование. Но, поскольку более существенные реформы потерпели фиаско, страна находится сейчас на грани превращения в недееспособное государство.

Выйдя за пределы Азии, увидим, что Куба занимает в мире второе место по числу грамотных детей старше 15 лет и шестое – по количеству школьников. Образование на Кубе остается приоритетом после революции 1960 г. Тем не менее страна занимает лишь 95-е место в мире по ВВП на душу населения. Переизбытком выпускников университетов и отсутствием для них адекватных возможностей трудоустройства объясняется, в частности, тот факт, что 25 000 кубинских врачей вынуждены устраиваться на работу в государственных клиниках за рубежом^[12]. Вот и в бывшем Советском Союзе выпуск высококвалифицированных специалистов никогда не соответствовал потребностям экономического развития.

Существуют два взаимосвязанных объяснения неустойчивой корреляции между уровнем образования в стране и уровнем ее экономического развития. Чаще всего объясняют это тем, что с точки зрения экономических перспектив предоставляется слишком много неправильного образования. В Восточной Азии наблюдается отчетливый контраст между упором на профессионально-техническое среднее и высшее образование в Японии, Южной Корее, на Тайване и в Китае и образовательными системами с ориентацией на менее квалифицированное обучение в бывших американских и европейских колониях Юго-Восточной Азии. Так, квалификация тайваньского выпускника-инженера, пожалуй, больше соответствует актуальным задачам экономического прогресса, чем квалификация малайзийского выпускника-бухгалтера. В конце 1980-х гг. на Тайване профессионально-техническое обучение (в основном для обрабатывающей промышленности) занимало 55 % системы высшего образования, и лишь менее 10 % студентов изучали гуманитарные дисциплины. В 1980-е число инженеров на острове по отношению к общей численности населения на 70 % превышало аналогичный показатель в США^[13]. Подобно Южной Корее и Японии, внедрившим эту модель в Восточной Азии, образовательная система Тайваня со временем стала напоминать образовательные системы Германии и Италии, ориентированные на обрабатывающую промышленность. Страны Юго-Восточной Азии, напротив, следуя англосаксонской традиции, сделали больший акцент на гуманитарные дисциплины и «чистую» науку.

Впрочем, недостаток профессионально-технического обучения и, соответственно, инженеров лишь в малой степени может объяснить экономическую неповоротливость государств Юго-Восточной Азии и других стран с аналогичными структурами образования. Прежде всего отметим, что в Северо-Восточной Азии большинство квалифицированных инженеров появилось уже после того, как там начался быстрый экономический рост. Ранние успехи Японии эпохи Мэйдзи² были достигнуты при удивительно малой численности инженеров – страна приступила к формированию своей системы профессионально-технического, естественно-научного и инженерного образования только в 1930-е гг.^[14] Наоборот, в таких странах, как Куба и СССР, инженеры «штамповались» в огромном количестве, но без позитивных результатов для

² Эпоха Мэйдзи («просвещенное правление») длилась с 1868 по 1912 гг. В этот период Япония при императоре Муцухито отказалась от самоизоляции и выдвинулась в ряд мировых держав. – *Примеч. ред.*

экономики. Все это указывает на другое и почти наверняка более состоятельное объяснение того, почему данные касательно формального образования и состояния экономики не стыкуются между собой. Дело в том, что в массе своей самое важное обучение в наиболее успешно развивающихся странах проходит не в системе официального образования, а на рабочем месте.

Это внутрипроизводственное обучение помогает объяснить и относительную неудачу бывшего Советского Союза и его сателлитов, которые свои инвестиции в образование и научные исследования сосредоточили на элитных университетах и государственных НИИ, а не на деловой сфере. Во многом похожим образом складывалась ситуация в Юго-Восточной Азии, где после обретения странами независимости англосаксонскую традицию элитарного высшего образования стали сочетать с интенсивным развитием государственных научно-исследовательских учреждений. Напротив, в Японии, Южной Корее, на Тайване, а после 1978 г. и в Китае высокоэффективные инвестиции в образование и научно-педагогические исследования оказались во множестве сосредоточены не в сфере формального обучения, а в бизнесе, причем (в отличие от ситуации в СССР) в бизнесе, по определению конкурирующем на международном рынке. Это последнее обстоятельство, возможно, имеет ключевое значение для быстрого обретения технологического потенциала. Как указал японский ученый Масаюки Кондо, объясняя неудачу Малайзии с развитием собственного технологического потенциала, несмотря на огромные инвестиции в высшее образование и научные исследования, «главной средой для развития промышленных технологий служат фирмы, а не государственные институты»^[15]. Именно технологическая, а не научная политика наиболее важна на ранних стадиях индустриального развития. Как следствие, именно государственная промышленная стратегия является самым мощным определяющим фактором успеха. Если государство не способствует созданию компаний, которые могут стать проводниками производственного обучения, и впоследствии не содействует им, то все его усилия по развитию формального образования могут пропасть втуне.

Нужно сделать оговорку: когда в сфере обрабатывающей промышленности страна выйдет на передний край технологического развития, ее оптимальная структура образования начнет изменяться, как и соотношение между институтами формального образования и практическим обучением в рамках бизнеса. Но это не является темой нашей книги, рассказывающей в первую очередь о том, как попасть в «клуб богачей».

Балласт

Итак, темы демографии и «обучения» будут вплетаться в ткань дальнейшего повествования по мере надобности и при их уместности. Что касается трех других факторов, которые часто признаются важными для экономического развития, то мы их вообще исключим как балласт.

Первый из них – это политический плюрализм и демократия. Предпринимаются попытки выстроить убедительные доказательства того, что демократия либо препятствует, либо содействует экономическому развитию. Но в Восточной Азии трудно выявить какую-либо четко обозначенную модель. На национальном уровне в XIX столетии Япония переживала медленный, но неуклонный переход к более демократической системе управления и расширению избирательного права, инициировав первую в регионе и единственную до Второй мировой войны успешную программу модернизации. И только во время всемирной экономической депрессии 1920-х гг. и под сильным расистским давлением со стороны «белых держав» японская политическая система погрузилась в хаос, закончившийся военной диктатурой. Напротив, Южная Корея и Тайвань, по мнению ряда исследователей, лишь выиграли от авторитарных режимов генералов Пак Чон Хи и Чан Кайши соответственно. Но при этом те же авторы лукаво умалчивают о катастрофе, постигшей правление Чан Кайши в материковом Китае до 1949 г. при иных методах управления экономикой. Что касается Юго-Восточной Азии, то после Второй мировой войны в Индонезии Сукарно сначала управлял хаотично действовавшей демократической администрацией, а потом переключился на авторитарную «управляемую демократию», добавив еще хаоса. Затем совершивший государственный переворот Сухарто прибавил стабильности и начал экономическое развитие в условиях авторитаризма, но его семейство в итоге разграбило страну. На Филиппинах избранный демократическим путем президент Фердинанд Маркос (Ферди) в 1972 г. заявил, что для проведения жизненно важных реформ, призванных ускорить экономическое развитие, в стране необходимо ввести военное положение, а затем принялся устанавливать новые стандарты коррупции.

На субнациональном уровне административно-территориальных образований столь же трудно обнаружить устойчивую корреляцию между авторитаризмом или демократией, с одной стороны, и политикой, способствующей экономическому развитию, – с другой. В истории известны такие моменты, когда крайне авторитарные методы приводили к явным выгодам, как, например, в Южной Корее, когда в 1961 г. генерал Пак Чон Хи временно арестовал ряд крупнейших предпринимателей и повторно национализировал банковскую систему страны. Но были и случаи, когда государственное вмешательство носило демократический характер. В середине и конце 1940-х гг. в контролируемых коммунистами областях Китая успех земельной реформы был связан с появлением выборных сельских советов, чьи действия резко отличались от тех авторитарных методов, с которыми Китай ассоциируется сегодня. Точно так же представительные (обычно выборные) комитеты по земельной реформе, действовавшие в Японии и на Тайване, сыграли решающую роль в беспрецедентном успехе преобразований^[16]. А вот в Южной Корее земельная реформа, проводившаяся более централизованным образом и авторитарными методами, оказалась менее эффективной. Отсутствие же демократических процессов в странах Юго-Восточной Азии стало отличительной чертой полного провала попыток провести земельную реформу на государственном уровне. Суммируя сказанное, можно утверждать, что ни демократию, ни авторитаризм нельзя рассматривать как некие постоянно действующие переменные величины, объясняющие особенности экономического развития в Восточной Азии.

Возможно, самое важное здесь связано с тем, что трудно игнорировать суждение, которое высказывал в числе прочих и Амартия Сен, индийский экономист, лауреат Нобелевской

премии, – о ложном разграничении свойств демократии стимулировать либо тормозить экономическое развитие. Демократия и институциональное развитие являются *частью* любого развития, поэтому их нельзя рассматривать как его движущие силы. Пожив в Китае и Италии – государствах, где институциональное развитие шло с большим отставанием от экономического прогресса, я поддерживаю приведенное выше суждение, базируясь не только на интеллектуальных доводах, но и собственном 20-летнем опыте. Невзгоды, выпадающие на долю простых людей из-за пренебрежения институциональным прогрессом, заслуживают внимания сами по себе. Хотя предметом данной книги является экономическое развитие, но как таковое его нельзя рассматривать в качестве рецепта человеческого счастья.

Другой недавно вошедший в моду институт – «верховенство права» принадлежит к той же категории, что и демократия, представляя собой часть развития, а не обязательное условие экономического прогресса. В последние годы западные политики и ученые, особенно американские и британские, отчаянно пытались убедить Коммунистическую партию Китая в том, что верховенство права – ключевая предпосылка экономического развития. Они не преуспели в этой дискуссии, в первую очередь потому, что аргументация на примерах стран Восточной Азии была, несомненно, запутанной, и большинство негативных примеров исходило из Китая. По мере того как китайская экономика развивалась после 1978 г., правительство страны умышленно оставило вопросы о праве на собственность в подвешенном состоянии и давало юридическую санкцию на целый ряд явлений уже после их возникновения. Исход важных судебных дел по-прежнему заранее предreshается в Центральной комиссии Коммунистической партии Китая по политическим и правовым вопросам. И все же Китай бурно развивается.

В Южной Корее суды, полиция и секретные службы предлагали крупному бизнесу усмирять, физически наказывать и отправлять в тюрьму профсоюзных лидеров и других рабочих активистов вплоть до 1990-х гг. (следует признать, что это мало чем отличалось от событий конца XIX века в США или немногим раньше в Великобритании). В то же время защита граждан со стороны закона была несколько лучше в Японии, добившейся в регионе наибольших экономических успехов. А на Филиппинах и в Индонезии, где суд часто выносит решения в пользу того, кто больше заплатит, отсутствие верховенства права часто ассоциировалось с худшими экономическими показателями. Как и в случае с демократией, лучше признать, что верховенство права не основной двигатель экономического развития, а неотъемлемая часть общегосударственного развития. Так что нам следует ожидать, что развивающиеся страны будут преследовать обе цели.

Наконец, существует старое как мир утверждение, что важнейшими факторами экономического развития являются географическое положение и климат страны. Нет недостатка в людях, уверенных в том, будто Юго-Восточная Азия сравнительно отстала в экономическом отношении просто потому, что там «слишком жарко», или что Северо-Восточная Азия находится в авангарде потому, что, как и Северной Европе, ей благоприятствует умеренный климат. Когда мне приходится сталкиваться с предубеждениями такого сорта, я невольно представляю себе словоохотливого посетителя забегаловки, скажем, в начале восьмого века, который, подметив, что тогдашнее могущество арабов распространилось на нынешние Северную Африку и Ирак и что блистательная династия Тан управляла из нестерпимо жаркого Сианя, заявил бы на этом основании, что европейцы, жители Северной Америки, корейцы и японцы будут вечно плестись в хвосте, потому что живут в слишком холодном климате.

Рассуждения о географии и климате как ключевых факторах экономического развития мало чем помогают с точки зрения последующих событий. Несмотря на реально существующие стремления стран подражать своим соседям, география настолько плохо сопрягается с экономическими достижениями и провалами в Восточной Азии, что этот фактор пришлось учитывать в книге весьма произвольно. Тайвань, который находится в трех с половиной часах лёта от Токио, расположен в субтропическом климате, но мы будем рассматривать его в группе стран

Северо-Восточной Азии. Аналогично Вьетнам географически принадлежит Юго-Восточной Азии, как и Таиланд или Малайзия, но я помещаю эту страну в одну группу с Китаем. И только очень слабая экономическая конвергенция между различными частями Восточной Азии позволяет приверженцам географической предопределенности утверждать, что с этим «ничего нельзя поделать».

Эта книга показывает, что можно сделать очень многое. Мы сосредоточимся на сравнении трех областей, где выбор определенного политического решения оказывает самое существенное воздействие на исход экономического развития. Дальнейшее повествование не будет сводиться к набору детальных рекомендаций, поскольку условия в каждой стране по-своему уникальны. Но книга с определенной степенью исторической точности рассказывает о происходившем в Восточной Азии. Эта история, пусть и мимолетно, служит нам напоминанием: судьба экономического развития нации находится в руках ее правительства.

Часть 1

Земля: триумф огородничества

Я крестьянский сын и потому знаю, что происходит на селе. Вот почему я хотел отомстить и ни о чем теперь не жалею.
Гаврило Принцип, убийца эрцгерцога Австрии Франца Фердинанда^[17]

Почему земельная политика так важна для развития страны? Ответ прост: на ранних стадиях развития в любой стране три четверти населения, как правило, занято в сельском хозяйстве и живет на земле. Восточная Азия после Второй мировой войны тоже не была исключением. Даже в Японии, где развитие началось еще в 1870-х гг., а сельские жители составляли три четверти населения, к началу войны почти половина рабочей силы по-прежнему располагалась в деревнях. Когда основные ресурсы государства сосредоточены в сельском хозяйстве, именно развитие данной отрасли позволяет бедным странам быстрее всего увеличить объем производства.

Однако проблема сельского хозяйства в доиндустриальных государствах с растущим населением заключается в том, что, когда рыночные силы получают свободу действий, урожаи не растут, а то и вообще падают. Это происходит потому, что спрос на землю растет быстрее, чем ее предложение, и поэтому землевладельцы сдают ее в аренду по возрастающим ставкам. Они поступают точно так же, как кредиторы при высоких процентных ставках. Арендаторы в условиях жесткой арендной платы, больших затрат и слабых гарантий на владение землей не способны делать инвестиции (например, в улучшение ирригации или покупку удобрений), что позволило бы им повысить урожайность. Инвестировать в повышение урожайности могли бы сами владельцы земли, но им *легче* делать деньги, взysкивая максимально возможную арендную плату и занимаясь ростовщичеством, что увеличивает их земельные владения, поскольку они могут экспроприировать заложенные участки в счет невыплаченных долгов. Возникает ситуация, когда «рынку» не удастся максимально увеличить производство. Во время Второй мировой войны этот сценарий в той или иной мере повторялся в Восточной Азии повсюду — от Японии и Китая до Индонезии.

В условиях растущего населения, слабых гарантий против необоснованного выселения и отсутствия ограничений на начисление процентов по ссудам возникает такой рынок земли, на котором концентрация собственности приобретает большее значение, чем рост урожайности, становясь для землевладельцев самым легким источником дохода. Эта проблема наносит ущерб сельскому хозяйству бедных стран по всему миру.

Что же изменилось в некоторых государствах Восточной Азии после Второй мировой войны? Они радикально изменили порядок распределения земли и сформировали сельскохозяйственный рынок нового типа. После перестройки сельского хозяйства рыночные силы стали стимулировать повышение урожайности. Нигде больше не удалось провести подобные, столь же масштабные и эффективные политические преобразования.

Движущей силой этих преобразований стала реализация ряда программ земельной реформы, предпринятая в Китае, Японии, Южной Корее и на Тайване. Хотя в первом случае перераспределение земли организовали коммунисты, а в остальных случаях антикоммунисты, цели повсюду преследовались одни и те же — разделить доступные сельскохозяйственные земли на равных основаниях (при возможности учитывая неравномерность качества земель) среди сельских тружеников. Это вкупе с государственной поддержкой сельскохозяйственных кредитов и институтов маркетинга, аграрного образования и консультационных центров создало новый тип рынка, на котором владельцы небольших семейных ферм побуждались инвестиро-

вать свой труд и создаваемую ими прибавочную стоимость в максимальное увеличение производства. Как следствие, во всех четырех странах резко увеличилась урожайность.

Бум сельхозпроизводства произошел в условиях, когда фермерство было, по сути, формой крупномасштабного огородничества. Семья из пяти, шести или семи человек обрабатывала участки площадью не больше одного гектара. Для большинства экономистов это теоретически означает, что такое производство должно быть неэффективным. Так называемые маркетологи «свободного рынка» и марксисты едины во мнении, что масштаб имеет существенное значение для эффективности. Поэтому марксисты Китая, Северной Кореи, Вьетнама (а еще раньше СССР) пришли к необходимости преобразования семейного фермерства в крупные коллективные хозяйства – с фатальными последствиями для миллионов людей.

На практике же повышение эффективности зависит от того, какого результата вы хотите добиться. Крупные капиталистические агрохозяйства, например, могут обеспечить наивысшую доходность от вложения денежных средств. Но не такая сельскохозяйственная «эффективность» нужна развивающемуся государству. На ранней стадии развития в интересах бедной страны с избытком трудовых ресурсов лучше максимально увеличивать выпуск продукции растениеводства до тех пор, пока доходность от привлечения избыточных трудовых ресурсов не упадет до нуля. Иначе говоря, вы только так и можете использовать свою рабочую силу (даже если доходы в расчете на человеко-час теоретически будут выглядеть ужасающе низкими), потому что никак иначе использовать ее невозможно. Как знает любой огородник, за счет применяемых им методов он достигнет максимального выхода продукции.

Испробуйте это у себя дома

Садоводы и огородники расскажут вам (если еще не рассказали со всеми подробностями), как много можно вырастить на крошечном участке земли, если серьезно взяться за дело. О чем они умолчат, так это об огромном до абсурда количестве вложенного труда. Методы, позволяющие достичь высоких урожаев на приусадебном участке площадью в сотню квадратных метров, в широком плане те же, что позволяют и максимально увеличить урожайность на небольшой семейной ферме площадью в один гектар.

Список трудоемких мероприятий практически безграничен. Один из самых эффективных приемов – высев семян в помещении в лотках для ускоренного процесса вызревания, после чего останется только высадить их в почву. Температура грунта тоже сильно влияет на урожайность, и ее можно регулировать, соорудая более высокие грядки в умеренном климате и, наоборот, углубляя их в тропическом. Очень эффективно применение компоста, если вносить его аккуратно, – наиболее успешные огородники размещают удобрение по принципу «от растения – к растению». Большое влияние на величину урожая оказывают также направленное орошение (ведь, например, высокорослые культуры больше нуждаются в воде) и регулярная прополка^[18]. В наиболее продуктивных хозяйствах создают почти сплошной растительный полог, так как загущенный посев снижает потери влаги и препятствует сорнякам, однако исключает доступ машин. Подпорки, сетки, бечевки и жерди – все это надо устанавливать вручную – повышают урожайность за счет использования вертикального пространства: таким путем с одного помидорного куста реально снять до 20 кг плодов. Существенно экономит пространство совместное выращивание растений с разной скоростью созревания. Например, знатоки сеют редис и морковь в одну и ту же борозду, поскольку редис созревает еще до того, как его начнет вытеснять морковь; однако редис можно собирать только руками. Равным образом теневыносливые культуры, такие как шпинат или сельдерей, можно выращивать в тени высокорослых растений, что позволяет экономить пространство, но опять-таки придется работать вручную.

Выращивание фруктов и овощей в домашних условиях, которым сейчас занимаются даже богатые семьи ради получения органических продуктов, очень хорошо известно в Восточной Азии с послевоенного времени крестьянским семьям с их небольшими фермами. Понятно, что каждый человек в такой азиатской семье возделывает участок, площадью раз в тридцать или более превышающий придомовый участок огородника-любителя. Но логика этого трудоемкого подхода к выращиванию урожая повсюду одна и та же: использовать земельный участок по максимуму.

Вот тому пример: урожайность хорошо ухоженных огородов в США составляет 5 – 10 кг продукции на квадратный метр в год, что в переводе на магазинные цены соответствует \$ 11–22 на квадратный метр. В 2009 г. Роджер Дойрон, блогер популярного сайта Kitchen Gardeners International, взвесил свой урожай и подсчитал розничную стоимость 380 кг фруктов и овощей, собранных на огороде площадью 160 кв. м: продуктивность его земельного участка составила \$ 16,50 на квадратный метр. Таким образом, общая стоимость продукции Дойрона составила \$ 2200, или \$ 135 000 с одного гектара. В качестве крайне свободного критерия для оценки можно принять *оптовую* цену на самую распространенную и прибыльную культуру крупных фермерских хозяйств США – кукурузу, составлявшую \$ 2500 с га в 2010 г.^[19]

Так почему бы всем нам не заняться таким же бизнесом? Проблема в том, что для достижения высокого уровня производительности на огороде требуется много труда. Если мистер Дойрон занимается своим огородом полный рабочий день, то он в состоянии поддерживать рассчитанную выше доходность на участке земли в 1000 кв. м. Но потребуются уже десять мистеров Дойронов для того, чтобы заработать \$ 135 000 на площади в один гектар, и это без учета издержек. Поэтому американские фермеры, будучи разумными, используют большие тракторы

для выращивания кукурузы на полях средней площадью 170 га. И действительно, укрупнение фермерских хозяйств в Соединенных Штатах началось (за исключением пояса плантаций на Юге) в первые годы XIX в. со значительно более мелких участков, когда страну открыли для себя иммигранты. С тех пор на протяжении более чем двух столетий разворачивается история постепенного роста стоимости рабочей силы и последующего усиления спроса на механизацию.

После Второй мировой войны Китай и государства Северо-Восточной Азии представляли собой страны, где трудовых ресурсов в сельском хозяйстве было намного больше, чем в Америке XIX в., и этот избыток увеличивался из-за быстро растущего населения. Все эти страны созрели для создания высокопродуктивного мелкого фермерства. Так, на Тайване обследования, проведенные до и после перехода к уравненным между собой семейным фермам, показали, что количество рабочих дней, вложенных в каждый гектар земли, увеличилось в результате более чем на 50 %^[20]. Хотя остров продолжал производить в больших объемах рис и сахар, произошедшие здесь в 1950-х – начале 1960-х гг. новые агробумы были связаны со спаржей и грибами, относящимися к числу самых трудоемких культур. История развития сельскохозяйственного производства на Тайване, самая успешная во всей Азии, напрямую связана с огородниками.

Некоторые экономисты, опять-таки принципиальные догматики – апологеты свободного рынка и марксисты, утверждают, что даже если мелкое семейное фермерское хозяйство может иногда исправно работать, то принципы его функционирования неприменимы к «товарным культурам», выращиваемым на плантациях в некоторых частях Азии, таким как сахар, бананы, каучук и пальмовое масло. Здесь, безусловно, верно следующее: овощи, выращиваемые в домашнем хозяйстве, и продовольственные культуры, такие как рис и кукуруза, нуждаются в разных типах ухода. Например, сахарному тростнику, которому для созревания нужен почти год, требуется глубокая вспашка, что может сделать только трактор. Поэтому очевидно, что такие культуры следует выращивать на укрупненных, хорошо механизированных плантациях. Тем не менее урожаи сахарного тростника на небольших семейных фермах Тайваня или Китая традиционно на 50 % превышали урожаи на доколониальных или постколониальных плантациях Филиппин или Индонезии^[21]. С 1960-х гг. на мировом рынке бананов семейные хозяйства Тайваня тоже сделались более успешными, чем плантационные хозяйства Азии. Изучение производства натурального каучука в колониальной Малайзии, проведенное в 1920-х гг., показало, что доходность у мелких фермеров была гораздо выше, чем на плантациях.

Большинство агротехнических требований, которые предполагают наличие крупных ферм, в действительности преодолевается довольно легко – например, можно взять в лизинг трактор или использовать его совместно для вспашки под посев сахарного тростника или пересадки каучуковых деревьев.

Поразительно, что во многих странах Азии и Африки, таких как Малайзия, Кения и Зимбабве, где европейские колонизаторы ввели крупномасштабное сельское хозяйство, они активно препятствовали конкуренции со стороны мелких местных фермеров и прямо или косвенно субсидировали крупное сельхозпроизводство, вливая налоговые поступления в инфраструктуру, поддерживающую плантации^[22]. Этого ведь не потребовалось бы, будь плантационное сельское хозяйство на самом деле эффективным?

Однако аргументы в пользу высокой эффективности мелких хозяйств отнюдь не так просты, как кажутся. Очень высокая урожайность, достигнутая в Японии, Южной Корее, Китае и на Тайване обусловлена не только размером фермерского хозяйства, но и его сочетанием со сложной инфраструктурой, которая была создана, например, для поставки удобрений и семян, для облегчения хранения урожая, маркетинга и продаж. Без адекватной поддерживающей инфраструктуры небольшие фермы повсеместно бедствуют, как это было после неудачных земельных реформ в таких государствах, как Филиппины.

Нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, что именно радикальная земельная реформа привела к одинаково грандиозному увеличению урожайности во всех странах Северо-Восточной Азии и каждой культуры в Восточной Азии. Однако свидетельства произошедшего в Китае, Японии, Корее и на Тайване производят сильное впечатление: правильная земельная политика, ориентированная на эгалитарное семейное фермерство, привела к самым впечатляющим успехам в послевоенной мировой истории экономического развития.

Положительные стороны изобилия

Уже в первые 10–15 лет вслед за переходом к мелкому семейному сельхозпроизводству в успешных государствах Восточной Азии валовой объем продовольственной продукции возрос с 50 % (в Японии, которая и так уже собирала самые большие урожаи в регионе) до 75 % (на Тайване). Увеличение сельхозпроизводства экономисты традиционно считают важным, поскольку это ведет к возрастанию прибыли, что влечет за собой и рост сбережений, которые затем могут быть использованы для инвестиций в производство^[23].

К тому же высокие урожаи влекут за собой и значительный рост потребления на селе, и, когда фермеры создают спрос на потребительские товары, это, возможно, имеет еще более важное значение. Знаменитые восточноазиатские корпорации начиная с Японии эпохи Мэйдзи до послевоенной Южной Кореи и современного Китая заработали свои первые миллионы, адаптируя продукцию к запросам сельских рынков, обширных, но с ограниченными наличными средствами. Местные фирмы усвоили главные уроки маркетинга касательно сельского населения, с которым они имели естественное культурное сродство. Примером могут служить японские Toyota и Nissan, создавшие после Второй мировой войны надежные автомобили для грунтовых дорог на шасси маленького грузовика, или ранние двигатели Honda мощностью 50 лошадиных сил, использовавшиеся для переделки велосипедов в мотоциклы. Позже уже китайские фирмы пережили подъем благодаря поставкам на сельские рынки крышных солнечных водонагревателей и уцененных систем мобильной телефонии, использовавших существующую инфраструктуру стационарной связи^[24].

Еще одно преимущество максимального повышения продуктивности сельского хозяйства следует рассматривать в перспективе внешней торговли. Государства, только начинающие свое экономическое развитие, никогда не имеют достаточных запасов иностранной валюты и могут запросто растратить ее на импорт продовольствия в больших, чем это нужно, объемах. А это, в свою очередь, подорвет возможности страны по импорту технологий, обычно промышленных, имеющих важное значение для развития экономики и обучения персонала. Например (хотя в то время этот момент плохо осознавался), во многом усилия Латинской Америки по индустриализации после Второй мировой войны были подорваны потому, что регион проявлял себя в наращивании экспорта промышленных товаров гораздо лучше, чем в увеличении продуктивности сельского хозяйства. В результате, по мере того как доходы росли и люди потребляли все больше продуктов питания (в том числе мяса, для производства которого требуется больше земли, чем для производства овощных культур), страны Латинской Америки либо сокращали экспорт своей сельхозпродукции, либо увеличивали импорт продовольствия. В обоих случаях в конечном итоге сельское хозяйство, как правило, растрачивало иностранную валюту, которую государство зарабатывало на промышленном экспорте или на сокращении промышленного импорта.

Латинская Америка много потеряла в 1950, 1960 и 1970-х, следуя стратегии развития, которую экономист Майкл Липтон назвал «городским уклоном», или склонностью городских элит, правящих бедными странами, недооценивать фермеров^[25]. Подобно большинству развивающихся стран (сильные отголоски этого подхода ощущаются сегодня в Юго-Восточной Азии) государства Латинской Америки расплатились за то, что уделяли сельскому хозяйству слишком мало внимания. Это обернулось бедами не только для фермеров, но и для развития стран в целом^[26].

Остается добавить, что семейные фермы играют жизненно важную, незаменимую роль в социальном обеспечении населения. Бедные страны не в состоянии предоставлять пособия по безработице или другие социальные выплаты. Поэтому в периоды экономического спада для рабочих сельского происхождения, уволенных с заводов, особую важность приобретает воз-

возможность вернуться на свои семейные фермы. На Тайване примерно 200 000 заводских работников снова занялись фермерством в период первого нефтяного кризиса в середине 1970-х; аналогичные временные обратные миграции в последние годы проходили и во время экономического спада в Китае^[27]. Тем азиатским странам, где земельная реформа сработала, удалось избежать появления легионов неимущих граждан или занявших гектары земли лагерей сквоттеров, ставших характерными приметами наций, практиковавших крупномасштабное фермерство, – от Великобритании XVIII в. до современных Филиппин.

Страны Северо-Восточной Азии устроили для себя наилучший старт в экономическом развитии, благодаря тому что уделили внимание сельскому хозяйству. При этом импульс к развитию усилился еще и за счет выбора средств, с помощью которых было достигнуто максимальное увеличение урожайности. Обеспечив фермерские семьи равным количеством земли для возделывания, правительства создали, можно сказать, лабораторные условия для почти идеальной конкуренции. Такая конкуренция охватила множество участников без каких-либо ограничений и позволила свободно собирать информацию, которую экономисты-математики просто измышляют (и к которой многие другие экономисты относятся презрительно, потому что она встречается крайне редко). Но в данном случае условия сродни тем, что моделируются в учебниках по экономике, действительно были созданы.

Каждая семья получила свой небольшой капитал – землю, а также возможность доступа к технической поддержке, кредитам, рынкам и потому соревновалась со своими соседями на совершенно равной основе.

В 1950-х гг. правительство Соединенных Штатов подверглось у себя в стране нападкам за поддержку земельной реформы в Японии, Южной Корее и на Тайване, мол, таким образом протаскивается социализм «с черного хода». Но все было совсем наоборот: в Северо-Восточной Азии появился самый идеальный свободный капиталистический рынок, когда-либо созданный для развивающихся экономик. В кои-то веки здесь не было наследных землевладельцев и почти не осталось крестьян без земли и капитала: все получили равные конкурентные шансы.

Клаус Дейнингер, один из ведущих мировых авторитетов по вопросам земельной политики и развития, потратил десятилетия на сбор данных, показывающих, что характер распределения земли в бедных странах определяет их будущую экономическую эффективность. Используя данные глобальных кадастровых съемок, выполненных Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (United Nations' Food and Agriculture Organisation, FAO), он выяснил, что темпы роста выше 2,5 % в течение долгого времени удалось сохранить только одной достаточно развитой стране с очень неравномерным распределением земли. Это Бразилия, лжепророк быстрого развития, которая рухнула в долговой кризис 1980-х гг. в значительной степени из-за своей неспособности увеличить сельхозпроизводство. Два основных вывода, сделанных Дейнингером: а) земельное неравенство влечет за собой долговременное замедленное развитие; б) замедленное развитие сокращает доходы бедных, но не богатых^[28].

Словом, если бедные страны захотят сделаться богатыми, то справедливое распределение земли на первых этапах развития окажет им огромную помощь. Япония, Южная Корея и Тайвань сумели это организовать. Главная проблема большинства стран, однако, состоит в том, что на практике их усилия по справедливому распределению земли и снабжению ресурсами земледельцев обычно заканчиваются неудачей. Чтобы понять причины этих неудач и впечатляющих успехов земельной реформы в Северо-Восточной Азии, надо более внимательно рассмотреть историю земельной политики во всем регионе.

Очень древняя идея

Наиболее развитые среди древних азиатских государств использовали «реформированные» земельные системы уже более тысячи лет назад. Будучи самой сложно организованной цивилизацией мира в VII–VIII вв., династия Тан в Китае управляла аграрной бюрократией, которая распределяла и чередовала земельные участки среди крестьянских семейств с целью обеспечить справедливый доступ к природным ресурсам, но при этом большей частью земли владело государство. По тогдашним стандартам урожайность была очень высокой^[29]. Реформы Тайка в Японии VII в. представляли собой попытку скопировать земельную политику Тан, но с ограниченным и убывающим успехом. Элиты обеих стран сопротивлялись новшествам, сделанным по справедливости, даже если они приводили к повышению урожайности. Династия Сун, сменившая династию Тан в XIII в., попыталась ренационализировать часть сельхозугодий, что подвигло многих аристократов стать на сторону Хубилая и монгольских захватчиков, когда те вторглись в Китай.

Современная земельная реформа в Северо-Восточной Азии была основана на переосмыслении мудрости предыдущих столетий в Японии эпохи Мэйдзи. Процесс начался со свержения сёгуна Токугава и формирования прогрессивного японского правительства под императорской властью, восстановленной в 1868 г. Хотя земля в Японии формально все еще принадлежала государству, аграрная система давно перестала предоставлять какие-либо защиту или право справедливости простым крестьянам. Вместо этого квазифеодалы, известные как *даймё* (дословно – «большая земля»), управляли огромными поместьями, обрабатываемыми мелкими арендаторами, которые были фактически их крепостными. Вдобавок *даймё* фактически контролировали торговлю зерном, что позволяло им влиять на рынок.

В ходе важнейшей первоначальной реформы правительство Мэйдзи предоставило даймё щедрую денежную компенсацию, выделило им места во вновь созданной палате пэров в Токио, а мелким фермерам дало право собственности на их земли. В течение трех лет было выдано 109 млн сертификатов о собственности на землю. Впервые землю можно было легально заложить или продать. Налоги также были зафиксированы в денежном выражении, так что крестьяне получали больше дохода при повышении урожайности, поскольку фактически полученный урожай уже не приходилось делить с землевладельцем вследствие издольщины. В результате у крестьян появился стимул вкладывать средства в свою землю и одновременно возникло больше ликвидных рынков для сельскохозяйственных культур. Хотя правительство Мэйдзи ощутило поприжало крестьян, введя земельные налоги, которые в конце XIX в. достигли своего пика (четыре пятых от суммарного дохода), – это налоговое бремя было не тяжелее, а возможно, и легче, чем при сёгунате^[30].

В совокупности эти перемены привели к взлету урожайности и сельхозпроизводства, продолжавшемуся со времени реставрации Мэйдзи до Первой мировой войны. Производство риса в Японии – основного продукта питания в стране – возросло примерно в два раза, слегка опережая быстрый рост населения. По мере подъема промышленной экономики отпала необходимость в импорте продовольствия^[31]. И сельское хозяйство не только накормило больше людей, но и способствовало экспорту ведущего продукта (а тем самым и приобретению иностранной валюты) в пору раннего развития Японии – шелка, производимого из коконов гусениц, которые питались листьями тутовых деревьев, высаженных в основном на маргинальных, холмистых сельскохозяйственных землях.

Правительство страны наняло американских специалистов для внедрения новых аграрных технологий и поддержало создание национальной сети профессиональной подготовки – агрономы называют это «курсами повышения квалификации». Важным фактором увеличения урожайности стало повсеместное распространение удобрений и высокоурожайных сортов

риса. Кроме того, во время Первой мировой войны Япония подвергла культивированию чуть ли не каждый акр плодородной почвы, включая множество участков, преобразованных в сельскохозяйственные земли за счет значительных инвестиций в расчистку, террасирование склонов, орошение и т. д.

До тех пор ни одна страна мира не начинала индустриализацию при таком преобладании сельского населения. В богатых странах Европы и Северной Америки перед началом индустриализации доля городских жителей составляла не менее 35 %^[32]. Однако, быстро скинув феодализм, перейдя к частному мелкотоварному сельскому хозяйству и заручившись поддержкой впечатляющего числа национальной бюрократии, Япония смогла приступить к индустриализации, несмотря на то что ее население на три четверти состояло из крестьян.

В свою очередь, сельское хозяйство поддержало уже начавшуюся на рубеже XX в. самую быструю экономическую трансформацию в истории. Темпы развития в Японии затмили аналогичные темпы Германии и США. Всего за три десятилетия после реставрации Мэйдзи Япония модернизировалась настолько, что страна смогла победить в войнах Китай (1895) и Россию (1905), была приглашена в двусторонний военный альянс Великобританией (1902) и начала экспортировать свои товары по всему миру. Ничего этого не произошло бы без продовольствия, налогов и иностранной валюты, предоставленных деревней. Правительство Мэйдзи совершило эволюционный маневр, резюмированный Майклом Липтоном в афоризме: «Хотите индустриализации – готовьтесь развивать сельское хозяйство»^[33].

Не все так просто

Несмотря на столь быстрый успех, сельские реформы правительства Мэйдзи были все же ограничены по своим масштабам. Хотя много феодальных крупных землевладельцев, постоянно проживавших вне своих владений, было устранено, а мелкие фермеры получили права собственности, но в пределах самих фермерских сообществ сохранялось значительное неравенство в землевладении.

При быстром росте населения и ограниченной финансовой и маркетинговой поддержке всегда присутствовал риск того, что доходы от сдачи земли в аренду и выдачи ссуд снова превзойдут доходы от инвестиций с целью повышения урожайности. Именно это и произошло со временем в Японии. Имеющихся данных недостаточно для того, чтобы установить точную хронологию, но, видимо, переломный момент настал в годы Первой мировой войны. Площади сельскохозяйственных угодий перестали расти, в то время как население продолжало увеличиваться.

В это же время так называемые «условия торговли» между сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью – сколько промышленных товаров можно приобрести на единицу сельхозпродукции – начали склоняться в пользу промышленности, хотя на ранних этапах реформ в выигрыше были фермеры. Как следствие, жизнь сельского населения значительно подорожала. И хотя раннее промышленное развитие обеспечивало солидный дополнительный доход для женщин из фермерских семей, благодаря их занятости на текстильных фабриках в сельской местности, после Первой мировой войны большинство новых рабочих мест создавалось уже в крупных промышленных центрах.

В стране, где в период между мировыми войнами фермерское домашнее хозяйство располагало в среднем всего 1,1 га пахотной земли, эти нарастающие изменения начали отрицательно сказываться на благополучии тех фермеров, которые имели меньше либо земли, либо работоспособных членов семьи. Все больше ссуд предоставлялось тем, кто не мог свести концы с концами, а когда долги становилось невозможно вернуть, земельный участок конфисковывали.

В стране еще оставались крупные землевладения – даже в 1940 г. около 100 тыс. из 1,7 млн землевладельцев имели в собственности участки крупнее пяти гектаров^[34]. Расширение индивидуальных участков происходило мало-помалу естественным путем добавления нескольких тан (0,01 га) каждый год-два за счет менее везучих односельчан. Тем, кто имел слишком мало земли или арендовал землю, часто приходилось продавать свой урожай сразу после сбора, когда рынок был переполнен, а цены низки. Пользуясь этим, зажиточные хозяева хранили рис и продавали его позднее по более выгодным ценам, а затем ссужали деньги под проценты тем, кто продал товар рано и остался без средств к существованию. В 1920 – 30-е гг. фермерский долг в Японии вырос в восемь раз^[35].

Доля арендованных земельных участков составляла около 20 % от всех обрабатываемых земель в первые годы после того, как правительство Мэйдзи инициировало земельную реформу. Ко времени Второй мировой войны почти половина пахотных земель была сдана в аренду и 70 % японских фермеров работали на частично или полностью арендованных полях. Несмотря на глобальную экономическую депрессию, арендная плата не опускалась ниже 50–60 % от общей стоимости урожая, причем уже после того как арендатор приобрел семена, удобрения, инвентарь и выплатил все налоги и сборы, исключая основной земельный налог. Поэтому неудивительно, что в 1920-х гг. продуктивность сельского хозяйства в Японии перестала расти.

Высокопоставленный чиновник из министерства сельского хозяйства отметил в 1928 г.: «Между продуктивностью участков, принадлежащих фермерам или арендаторам, видна

огромная разница. Мои чиновники, посещающие деревни, утверждают, что даже они, никогда в жизни не ходившие за плугом, могут с первого взгляда отличить – хозяином или арендатором обрабатывается участок»^[36]. Сельское хозяйство Японии качнулось назад – от пост-феодалного изобилия к жестоким условиям капиталистической эксплуатации. В свете этого понятно, почему в 1930-х гг. японские милитаристы, объявившие себя заступниками униженного сельского населения, сумели завербовать себе самых преданных сторонников именно в фермерских общинах.

Путешествие первое: от Токио до Ниигаты

Лучше понять историю сельского хозяйства Японии можно, просто путешествуя по стране, поскольку эта история очень сильно зависит от характера местности. Описание моего путешествия из Токио на северо-запад через главный японский остров Хонсю в префектуру Ниигата, где производят лучший в стране рис, позволит выявить основные закономерности.

Сначала, однако, нам надо выбраться из городской агломерации Токио. Столица с ее тихими и причудливыми жилыми пригородами, переулками и тщательно поддерживаемой дорожной разметкой имеет границу лишь в теории. На практике же Токио сливается с чередой других, менее благополучных городов в непрерывный массив малоэтажных дощатых жилых домов, торговых центров, магазинов уцененных товаров, ресторанов быстрого питания и авто-салонов.

Притом что всю свою историю Япония развивалась при невероятно малой площади плодородной земли на душу населения, значительные участки этой земли были безжалостно поглощены городами и промышленностью в ходе их развития. Эта тенденция давно усугубляется традиционной нелюбовью японцев к многоэтажным зданиям. Впрочем, предпочтение, отдаваемое малоэтажной застройке, к сожалению, не сделало современные японские строения более привлекательными.

Если избегать скоростных магистралей, вам придется на протяжении 40 км и двух-трех часов пробираться сквозь выматывающую душу городскую застройку мимо огромной американской авиабазы Йокота, прежде чем вы увидите к северо-западу от Токио нечто, отдаленно напоминающее сельскую местность. Возможно, эти холмы слишком круты для застройки и тем более для ведения фермерского хозяйства. Вот одна из причин, почему в Японии так мало пахотных земель – страна покрыта лесистыми холмами и горами. Проникающий в автомобиль сосновый запах предвещает подъем дороги. У Японии самая низкая доля возделываемой земли по сравнению с любой страной Восточной Азии – всего 14 % от общей площади. Даже в Южной Корее обрабатывается 20 % земли, а на Тайване – 25 %^[37].

Войдя в леса северо-западнее Токио, шоссе 299 извивается среди холмов, пока не достигает Чичибу, сонного, невзрачного городка, не имеющего определенного центра. Название Чичибу связано с крупнейшим восстанием фермеров в Японии эпохи Мэйдзи, подавленным государственной полицией и войсками в 1884 г.

Как и в других маргинальных сельских районах, фермерам здесь негде было развернуться: со всех сторон отвесно поднимаются лесистые холмы. Вдоль крошечных местных рек и ручьев можно разглядеть несколько полей, более крутые склоны пригодны для возделывания тутовых садов. Резкое временное падение цен на сельскохозяйственную продукцию в начале 1880-х гг., в то время как правительство боролось с ранней вспышкой инфляции, поставило здешних жителей на грань существования. Несколько тысяч плохо вооруженных людей приняли отчаянный поход против властей. Руководители восстания были повешены, сотни участников посажены в тюрьму. К северу от Чичибу, в Минано, там, где проселочная дорога идет под уклон мимо старых лачуг, покрытых гофрированным металлом, и пересекает железнодорожную линию, реконструировано святилище, у которого собирались фермеры^[38].

К северу от Чичибу и Минано автострада Кан – Этсу идет по тоннелям под горными пиками центральной части Хонсю. Мчась по ней, вы заметите, что всякий раз, когда среди гор, холмов и лесов появляется ровная поверхность, она до отказа заполнена городскими и промышленными сооружениями. Так повторяется на протяжении более сотни километров, пока дорога петляет на северо-северо-запад по направлению к Ниигате и западному побережью

Хонсю. Лишь когда дорога спускается к внезапно расширяющемуся участку реки Шинано у города Одзия, начинается прибрежная дельта и происходит смена декораций – всего в 30 км от Японского моря.

Внезапно оказывается, что все здесь, за исключением жизненно важных для человека структур, занято рисовыми полями. Между горами и морем втиснута рисовая житница самого густонаселенного острова Японии. Дельта Шинано представляет собой наиболее обширную площадь обрабатываемых земель вокруг города Ниигата: в соседних местах посадки риса прижаты к прибрежной полосе шириной в несколько километров. В эпоху Мэйдзи префектура Ниигата была одной из самых крупных по численности населения в стране, за счет чего первоначально обеспечивала трудовые ресурсы, необходимые для повышения больших урожаев. Однако позже рост населения создал здесь условия для роста арендования и появления землевладельцев, которые устанавливали высокую арендную плату.

Сегодня вы повсюду видите дома, выстроенные для себя фермерами за последние 50 лет, уже вслед за более глубокими земельными реформами, проведенными после Второй мировой войны: бетонные здания с псевдонациональными черепичными крышами, двойным остеклением и даже – когда китч отрывался на полную катушку – коричневым пластиковым покрытием «под дерево».

Впрочем, на окраине одной деревни находится одна из немногих полностью сохранившихся исторических реликвий довоенной жизни сельской Японии. Дом семейства Ито – ярчайший пример истории подъема мелкого землевладения, почти повсеместно распространившегося в преддверии второго раунда японской земельной реформы. Конечно, дом сохраняется как наглядное напоминание о невеселом прошлом. Сейчас это музей, посвященный эксплуатации людей в сельской местности. Ито стали одними из крупнейших землевладельцев Японии за счет высокой арендной платы и кредитования. Их поместья, расширившиеся в конце XIX – начале XX вв., к 1920-м гг. охватывали 1370 га рисовых полей и 1000 га леса. У него было 2800 арендаторов. Хотя семейство не принадлежало к числу типичных землевладельцев-арендодателей, оно отражало тенденцию к укрупнению землевладений. Бывший семейный дом занимает целых три гектара, что соответствует размеру двух средних современных семейных ферм, и содержит 60 комнат^[39].

При сравнении с обычным европейским замком или старинной усадьбой дом Ито, на первый взгляд, менее агрессивно заявляет о значимости его обитателей. Традиционный «садик для прогулок», кладовая риса (с именным *хокку*), чайные павильоны и жилые комнаты, выходящие на декоративный проточный водоем, заполненный карпами, на умиротворяюще журчащий каскад и изысканно ухоженный, огороженный сад – все это похоже на эстетику более возвышенного помещичьего стиля. Как можно, обладая столь утонченным вкусом, притеснять кого-либо? Однако при осмотре дома многое проясняется: мы видим там гостиные с различным уровнем роскоши для приема лиц различного ранга, разные входы для посетителей соответствующего статуса, целые штабелю красиво заполненных и аннотированных книг учета арендаторов и заемщиков.

На семейство Ито работали около 80 посредников-управляющих – *банто*, надзиравших за арендаторами. Подобно крупным землевладельцам сегодняшней Юго-Восточной Азии, тогдашние землевладельцы никогда не вели дел со своими арендаторами напрямую, и какие-либо просьбы типа снижения арендной платы передавались вверх по иерархической цепочке. Красота этого жилища захватывает воображение, но в нем начисто отсутствует мягкость человеческих отношений. Дом Ито, построенный около 1885 г. на доходы семьи от постоянно расширявшегося числа арендаторов, фактически представляет собой памятник упадку сельскохозяйственного рынка; упадку, медленно задушившему либеральную, реформистскую Японию и проложившему дорогу для военной диктатуры в стране. В результате земельная реформа, направленная на создание семейных хозяйств, рухнула на полпути.

Тон задают китайские коммунисты

Семейство Ито потеряет свои владения вместе с домом в 1946 г., когда в Японии будет проведена более последовательная революция в аграрной сфере. Однако еще раньше китайские коммунисты начали претендовать на ведущую роль в реформе сельского хозяйства Азии. Если в начале XX в. фермеры в Японии вновь столкнулись с лишениями, от которых их временно избавили реформы Мэйдзи, то в Китае рядовые крестьяне на протяжении веков не знали ничего, кроме жесточайших страданий.

В 1920-х гг., когда 85 % населения Китая жило в сельской местности, продолжительность жизни селянина составляла 20–25 лет. Три четверти фермерских семей имели участки менее гектара, в то время как примерно одной десятой части населения принадлежало 70 % обрабатываемых земель. Как и в Японии, здесь было мало действительно крупных землевладельцев, но значительное неравенство в распределении земли и достаточная численность населения создавали основу для стимулирования арендаторства с высокими ставками на грабительских условиях, что приводило к застою сельхозпроизводства. Дэн Вэньмин, отец будущего китайского лидера Дэн Сяопина, был весьма типичным землевладельцем для своего времени, владея 10 га земли в селе Пайфан захолустного уезда Гуанъань провинции Сычуань. Он занимал 22-комнатный дом на окраине деревни и сдавал в аренду две трети своих полей. Дэн Вэньмин, как и многие другие землевладельцы, не обладал несметными богатствами, но ему принадлежало столько земли, сколько обычно имелось у шести-семи семей среднего достатка^[40].

Р. Х. Тони, британский историк экономики, после визита в Китай в конце 1920-х гг. так написал о ненадежности китайского сельского хозяйства: «Там есть районы, где положение сельского населения можно сравнить с человеком, постоянно стоящим по шею в воде, так что даже ряби достаточно, чтобы его утопить. <...> Высокопоставленный китайский чиновник констатировал, что в начале 1931 г. в провинции Шаньси за несколько лет три миллиона человек умерли от голода, а нищета достигла такого уровня, что 400 000 женщин и детей перепродавались из рук в руки»^[41].

Уильям Хинтон, американский писатель-марксист, проводивший исследования в 1940-х гг., составил с точки зрения как стороннего наблюдателя, так и непосредственного свидетеля классическое описание жизни в деревне, которая также находилась в провинции Шаньси. Хинтон писал о том, что обыденным делом стали смерти от истощения во время ежегодного «весеннего голода», когда кончались запасы пищи. Писал он и о рабстве (в основном девочек), насилии помещиков и бытовом насилии, ростовщичестве, местных мафиозных тайных обществах и прочих многообразных проявлениях жестокости, которая была свойственна повседневной деревенской жизни. Один из самых поразительных ее аспектов – это внимание, уделявшееся испражнениям, главному виду удобрений. Дети и старики постоянно прочесывали места общего пользования в поисках помета животных. Землевладельцы требовали, чтобы их поденные работники испражнялись только в уборных своих хозяев; предпочтение отдавалось работникам из других деревень, поскольку те не могли воспользоваться собственным домашним туалетом^[42].

Хинтон назвал свою книгу *Fanshen*, что означает «перевернуть тело». Коммунистическая партия Китая (КПК) и фермеры стали использовать термин применительно к результатам земельной реформы, и он стал метафорой революции в жизни человека. В конце 1920-х гг. КПК начала экспроприировать отдельных землевладельцев и перераспределять земли в контролируемых ею районах. Эта политика под лозунгом «землю – крестьянам» распространилась в базовом районе коммунистов в провинции Цзянси на юге Китая. Но когда в 1937 г. разразилась полномасштабная война с Японией, КПК отказалась от принудительного перераспределения земель, потребовав взамен от землевладельцев так называемого «двойного снижения» –

арендной платы и процента по займам. Новая политика была данью слияния в «единый фронт» с партией Гоминьдан под руководством Чан Кайши, которая тоже рассчитывала на политическую поддержку многих землевладельцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

World Development Report 1987 (Washington: World Bank, 1987). Помимо неоправданного включения в анализ офшорных финансовых центров построение экономической модели отличалось и другими слабостями, поскольку рассматривало промышленную политику и протекционизм только на национальном, но не на секторальном уровне. Между тем по отдельным отраслям обрабатывающей промышленности государственная политика в большинстве стран варьировалась чрезвычайно, особенно в Японии, Южной Корее и на Тайване в периоды их бурного роста. Помимо экономического моделирования отчет был крайне противоречив по отношению к истории экономики. В частности, он подчеркивал особую значимость экономического дерегулирования в Англии в середине XIX в., после того как она стала мировым лидером в технологической области, однако полностью умалчивал о политике протекционизма, применявшейся в стране, пока она восходила к своему лидерству. Протекционизм, доминировавший в США во время экономического подъема страны в течение XIX и начале XX в., был почти обойден молчанием; упоминалось только, что ввозные пошлины в 1857 г. были низкими – около 24 %, в то время как средний их размер на протяжении всего этого периода приближался к 40 %. Среди европейских стран почти не упоминалась Германия с ее промышленной политикой и промышленными картелями. Вместо этого широко обсуждалась экономическая политика Франции XIX в., не допускавшая вмешательства государства в экономику, в результате чего страна очень сильно отстала от Германии по состоянию экономики (см. в особенности с. 38 и 77 отчета).

2.

The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy (New York and Oxford: Oxford University Press for the World Bank, 1993). Несоответствия доклада наглядно отразились в двух противоречащих друг другу заявлениях, сделанных президентом Всемирного банка в предисловии ко всей публикации. С одной стороны, Льюис Престон признает: «Восемь изученных экономических систем использовали самые различные сочетания методов, от полного невмешательства до крайне серьезного вмешательства. Таким образом, не существует единственной "восточноазиатской модели" развития». Однако всего несколькими строками ниже он опять возвращается к основной идеологической догме Всемирного банка: «Авторы отчета пришли к выводу, что быстрый рост в каждой экономике был в первую очередь обязан применению набора общих для всех рыночноориентированных экономических мер, приводящих как к быстрому накоплению, так и к лучшему распределению ресурсов». Внутренняя противоречивость подобного рода прослеживается на всем протяжении отчета.

3.

Впервые этот термин ввел в обращение экономист Джон Уильямсон в 1989 г., поскольку штаб-квартиры всех трех упомянутых организаций находятся в Вашингтоне (округ Колумбия). Уильямсон перечисляет 10 различных методов управления, которые, по его словам, легли в основу консенсуса. Среди них методы, особенно интересные в контексте нашей книги, – это использование рыночных процентных ставок, произвольно определяемый валютный курс (подразумевающий отсутствие контроля над движением капитала), либерализация торговли, открытие экономики для зарубежных инвесторов, приватизация государственных предприятий и дерегулирование.

4.

Чалмерс Джонсон цитируется по: MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925 – 75 (Stanford: Stanford University Press, 1982), p. viii. Элис Эмсен [Alice H.

Amsden] цитируется по: *Escape from Empire: The Developing World's Journey through Heaven and Hell* (Boston: MIT Press, 2009), p. 9. Не совсем понятно, почему среди всех государств Юго-Восточной Азии она упоминает лишь Таиланд. У. У. Ростоу цитируется по: *The Stages of Economic Growth* (Cambridge: Cambridge University Press; third edition, 1991), p. xvii.

5.

См. Michael Spence, ed. *The Growth Report* (Washington: World Bank Commission on Growth and Development, 2008). В данной публикации приводится список из 13 государств, в которых наблюдался уровень экономического роста, составлявший как минимум 7 % в год на протяжении 25 лет со времени окончания Второй мировой войны. Я намеренно не упоминаю три офшорных финансовых центра (Гонконг, Сингапур и Мальта), крошечное нефтяное государство (Оман) и еще одно небольшое государство, почти целиком зависящее от добычи алмазов (Ботсвана). Остальные семь быстро развивающихся государств (все из Восточной Азии) перечислены ниже.

6.

В Южной Корее и на Тайване ВВП на душу населения в 2010 г. составлял соответственно \$ 21 000 и \$ 19 000. В Малайзии этот показатель в том же году равнялся \$ 8000. Согласно базе данных из доклада *World Economic Outlook* («Перспективы развития мировой экономики») Всемирного банка, в 1962-м (первом году, с которого ведется учет данных) в Индонезии, Таиланде и Южной Корее валовой национальный доход (ВНД) на душу населения был приблизительно на уровне \$ 100. Данные по Тайваню Всемирный банк не публиковал. Если не считать Японии (с ВНД \$ 610), наиболее процветающими государствами по уровню ВНД на душу населения в 1962 г. являлись Малайзия (\$ 300) и Филиппины (\$ 210).

7.

Yoshihara Kunio, *The Rise of Ersatz Capitalism in South-East Asia*, (Singapore и Oxford: Oxford University Press, 1988). В тот же самый период еще один японский экономист Суэхиро Акира подтвердил и расширил многие из наблюдений, которые Йошихара сделал в Юго-Восточной Азии, на примере Королевства Таиланд: *Capital Accumulation Thailand* (Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1989).

8.

ИЧР представляет собой интегральный показатель, включающий ВНД на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни и среднюю длительность образования.

9.

Исключения из общего правила «аграрного торможения» составляют очень немногие страны с малой численностью населения, большими площадями земли, пригодной для обработки, и крайне высоким уровнем сельскохозяйственной специализации – Дания, Австралия и Новая Зеландия. Но даже эти страны не являются безусловными примерами исключений, потому что их успех во многом обусловлен промышленной переработкой сельхозпродукции.

10.

Министерство финансов Британской империи осознавало логику существования офшорных центров и постоянно отдавало им преимущество перед крупными колониями, которым, в свою очередь, покровительствовали набиравшие силу политики и предприниматели, желавшие, чтобы правительство субсидировало их деятельность, вкладываясь в создание инфраструктуры и т. п. Современная офшорная финансовая индустрия обосновалась на небольших островах –

предмете обожания составителей финансовых отчетов экономически хищной империи. Впрочем, не все мелкие острова, бывшие ранее под британским владычеством, сохранились в качестве офшорных финансовых центров. Бомбей и Лагос были в свое время заселены англичанами, потому что являлись островами. В Юго-Восточной Азии Пенанг передал свои функции офшорного центра Сингапуру. Авторы главных трудов по развивающимся экономикам: Ха Джун Чанг – *The East Asian Development Experience: The Miracle, the Crisis and the Future* (London: Zed Books, 2007), p. 18; Элис Эмсен – *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialisation* (Oxford: Oxford University Press, 1989), p. 4; Роберт Уэйд – *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003), p. xv – все категорически отказываются включать Гонконг и Сингапур в дискуссию о политике экономического развития стран Восточной Азии. Уэйд, например, пишет: «Это города-государства, и их невозможно рассматривать в качестве стран с нормальной экономикой».

11.

См., например: Angus Maddison, *Explaining the Economic Performance of Nations, 1820–1989* (Canberra: Australian National University, 1993), p. 117.

12.

Все сведения относительно Кубы приводятся в соответствии с ИЧР ООН, 2009 г. Общая численность контингента учащихся на Кубе составила тогда 100,8 % (этот показатель может превышать 100 % из-за повторного приема детей, ранее покинувших школы). ВВП на душу населения в том же году составлял \$ 6876 с учетом паритета покупательной способности (purchasing power parity, PPP). Многие кубинские врачи переехали в Венесуэлу, которая может платить им со своих нефтяных доходов.

13.

О тайваньской системе образования см.: Wade, *Governing the Market*, p. 64 and 190. Исследование, проведенное Национальной комиссией по делам юношества в 1983 г., показало, что четвертая часть всех университетских выпускников на Тайване начиная с 1960 г. получили инженерные специальности. Зарплата у выпускников-инженеров была в среднем на 11 % выше, чем у выпускников-юристов.

14.

См. David Landes, «Japan and Europe: Contrasts in Industrialization», в: William W. Lockwood, ed., *State and Economic Enterprise in Japan: Essays in the Political Economy of Growth* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 108. В 1900 г. профессионально-технические и ремесленные школы составляли только 7 % образовательных учреждений для японских мальчиков старшего школьного возраста. В 1930 г. лишь 9 % университетских выпускников получили инженерное образование, а к концу 1930-х их доля выросла до 16 %. До Второй мировой войны японские университеты специализировались преимущественно на гуманитарных предметах.

15.

Masayuki Kondo, «Improving Malaysian Industrial Technology Policies and Institutions» в: K. S. Jomo and Greg Felker, eds., *Technology, Competitiveness and the State* (London: Routledge, 1999).

16.

Японские комитеты по земельной реформе обычно избирались голосованием. На Тайване эти комитеты назначались, но в соответствии с критериями, которые обеспечивали присутствие там представителей интересов простых фермеров.

17.

W. A. Dolph Owings, ed., *The Sarajevo Trial* (Chapel Hill, NC, USA: Documentary Publications, 1984), pp. 54.

18.

По поводу сроков прополки в азиатских семейных фермерских хозяйствах Рональд Дор отмечает, что рис в Японии традиционно пропалывается три раза за время выращивания урожая, или до девяти раз в год. См.: Ronald Dore, *Land Reform in Japan* (London: Athlone, 1984), p. 5.

19.

Приведенные расчеты основаны на данных о средней урожайности в США, приблизительно равной 8,5 т на гектар, и цены в \$ 300 за т продукции.

20.

См. Shirley Kuo, Gustav Ranis and John Fei, *The Taiwan Success Story* (Boulder, CO: Westview Press, 1981), p. 57.

21.

Усредненные показатели за период 1953–2007 гг., по данным Совета по сельскому хозяйству Тайваня (Taiwan Council of Agriculture) и Фонда исследовательского института сахароперерабатывающей промышленности Филиппин (Philippines Sugar Research Institute Foundation). Тайвань был главным производителем сахара в 1950-х и 1960-х гг.; однако сегодня сахарный тростник здесь больше не считается важной сельскохозяйственной культурой.

22.

О Малайзии см.: Lim Teck Ghee, *Peasants and Their Agricultural Economy in Colonial Malaya, 1874–1941*, East Asian Historical Monographs (Kuala Lumpur and New York: Oxford University Press, 1977), pp. 90–95. Автор рассматривает меры, предпринятые британскими колониальными властями для того, чтобы отбить у мелких арендаторов охоту конкурировать с владельцами каучуковых плантаций. О Кении и Зимбабве см.: Bill Freund, *The Making of Contemporary Africa* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 1984), p. 111. Автор ссылается на субсидирование в колониальной Кении крупных хозяйств, принадлежавших белым владельцам, включая чайные плантации, чтобы сохранить их прибыльными, а также на тот факт, что в Южной Родезии мелкие арендаторы продолжали поставлять в города большую часть продовольственных товаров со своих небольших участков, хотя половина обрабатываемых земель была захвачена белыми поселенцами. Фрейнд заключает: «Крестьяне, как ни удивительно, работали более продуктивно в пересчете на один акр земельного участка». В книге Klaus W. Deininger, *Land Policies and Land Reform* (Washington DC: World Bank Publications, 2004), p. 16, также указывается, что в Зимбабве законы колониальной эпохи затрудняли раздел крупных участков земли и препятствовали развитию сельского хозяйства чернокожего населения.

23.

Классический тому пример – это концепция У. У. Ростоу о «стадиях» развития, в котором сельское хозяйство играет роль первоначального накопителя капитала на первой стадии. См. Walt Whitman Rostow, *The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifesto* (Cambridge: Cambridge University Press, 1960).

24.

Как Toyota, так и Nissan приспособили шасси грузовиков для кузовов легковых автомобилей и со временем сделали глобальными лидерами на рынке полноприводных машин. Huawei, самая успешная из действующих в международном масштабе китайских компаний, осуществила свой первый прорыв на рынок, поставляя телекоммуникационное оборудование для сельской местности.

25.

Michael Lipton, *Why Poor People Stay Poor* (Harvard: Harvard University Press, 1977).

26.

Позднее Майкл Липтон в книге *Land Reform in Developing Countries* (London: Routledge, 2009), р. 275 заметил, что до сих пор крайняя бедность наблюдается в сельской местности Латинской Америки во многом вследствие сильнеешего и неэффективного неравенства при распределении земли.

27.

Данные по Тайваню взяты из: K. T. Li, *Economic Transformation of Taiwan* (London: Shephard-Walwyn, 1988), chapter 21.

28.

Или, как указывает Клаус Дейнингер, «есть тесная негативная связь между первоначальным неравенством в распределении активов [земли] и долгосрочным ростом экономики», и «неравенство [в распределении земли] снижает рост доходов у бедных слоев населения, но не у богатых». По данным Дейнингера, долгосрочный рост относится к периоду с 1960 по 1992 г. Только в двух развивающихся странах он выявил прецеденты роста в среднем более чем на 2,5 % в год при очень неравномерном распределении земли (с коэффициентом Джини, превышающим 0,7) – это Пуэрто-Рико (небольшая и нетипичная территория США) и Израиль. См.: Klaus Deininger and Lyn Squire, «New Ways of Looking at Old Issues: Inequality and Growth», *Journal of Development Economics*, vol. 57, no. 2 (1998), pp. 259 – 87.

29.

Землеустройство эпохи Тан было на самом деле более сложным, чем указано здесь, потому что мелкие земельные участки также предоставлялись фермерам в бессрочное пользование. Бюрократические требования были крайне необычными для древнего государства. См.: S. A. M. Adshead, *T'angChina* (London: Palgrave Macmillan, 2004), pp. 90–91. Эта система рухнула, как и многое другое в эпоху Тан, около 750 г. н. э., но при этом Эдшед замечает, что она «утвердила класс высококвалифицированных надсмотрщиков и мелких арендаторов, как мужчин, так и женщин, сочетавших право пожизненного пользования с правом собственности, – возможно, оптимальное решение для китайского крестьянства».

30.

Реформа земельного налога в эпоху Мэйдзи началась в июле 1873 г. и завершилась в 1876 г. См.: Kozo Yamamura, «The Meiji Land Tax Reform and Its Effects», in Marius B. Jansen and Gilbert Rozman (eds.), *Japan and Transition* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986).

31.

Население Японии составляло в 1868 г. примерно 35 млн человек, а к началу Второй мировой войны увеличилось до 70 млн. По поводу отсутствия импорта продовольствия в период до 1900 г. см.: Penelope Francks, Johanna Boestel and Choo Hyop Kim, *Agriculture and Economic Development in East Asia* (London: Routledge, 1999), p. 52.

32.

См.: Lipton, *Why Poor People Stay Poor*, p. 35. Липтон называет 15 стран, которые уже были зажиточными во время реставрации Мэйдзи в Японии и чье население в период ускоренного роста и индустриализации было городским на 35–70 %. В Великобритании в 1811 г. было 36 % городского населения. См.: C. M. Law, «The Growth of Urban Populations in England and Wales, 1801–1911», *Transactions of the Institute of British Geographers*, no. 41 (June 1967), p. 128.

33.

Lipton, *Why Poor People Stay Poor*, p. 24.

34.

Francks et al., *Agriculture and Economic Development in East Asia*, p. 63.

35.

Эта информация базируется на оценках Вольфа Ладежинского в Меморандуме Атчесона – Фири от 1945 г., одном из важнейших официальных документов, который привел к земельной реформе в Японии после Второй мировой войны. Долг фермерских хозяйств, составлявший 135 японских иен на семью до Первой мировой войны, вырос до 1000 японских иен в 1937 г. На своем пике проценты по задолженности фермеров оценивались в одну треть от общего чистого дохода сельского хозяйства. Меморандум воспроизведен в: Wolf Isaac Ladejinsky and Louis J. Walinsky (ed.), *Agrarian Reform as Unfinished Business* (New York: Oxford University Press on behalf of the World Bank, 1977), p. 570.

36.

Цит. по: Dore, *Land Reform in Japan*, p. 49.

37.

См.: Francks et al., *Agriculture and Economic Development in East Asia*, p. 20.

38.

Подробности этого восстания см.: Dore, *Land Reform in Japan*, chapter 3.

39.

Сейчас это Музей северной культуры (Northern Culture Museum) префектуры Ниигата.

40.

Данные по ожидаемой продолжительности жизни взяты из: Louis G. Puterman, *Continuity and Change in China's Rural Development* (New York: Oxford University Press, 1993), p. 9. Данные по землевладению взяты из: Carl Riskin, *China's Political Economy* (Oxford: Oxford University Press,

1987) и William Hinton, Fanshen (New York: Monthly Review Press, 1966), chapter 2. Данные о доме Дэна основаны на авторских наблюдениях и интервью, взятых в августе 1994 г.

41.

R. H. Tawney, Land and Labour and China (London: George Allen & Unwin, 1932; reprinted Boston, MA: Beacon Press, 1966), p. 66.

42.

Hinton, Fanshen, chapter 1.